

А
Ю
Д
М
Д
О

Н
О
В
Я
Я
М
С
П
О
Р
М
Я

ТРАЧЕВА АННА

Анна Александровна Грачева

Люди до. Новая история

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=25917677

Аннотация

Во второй книге главной героине – Лин, придется спасти себя, и не только, из вынужденного заточения в Новом городе. Как бы спастись и не залезть в новые неприятности? Как добраться до Тима? Как узнать, все ли в порядке с близкими людьми? Ответы на все эти вопросы, а так же на многие другие, и конечно развязку истории Основного города, Нового города и Коммуны вы найдете здесь. Приключения и проблемы, загадки и конечно любовь юной Лин – ждут вас на страницах второй части книги "Люди до. Новая история"

Глава 1.

Я запуталась в днях и времени суток. В моей комнате совсем нет окон, только голые серые стены, пол, на котором нет ни одного предмета, даже для сна, мне постелили одеяло на полу. В углу стоит ведро, для моих нужд. Я не знаю, когда его меняют, но скорее всего, когда я сплю, потому что я не замечала этого момента, а оно стоит чистое и не источает неприятного запаха. Судя по тому, что мне совсем недавно приносили еду, после долгого перерыва, сейчас утро. Дни я считать перестала, почти сразу, как меня завели в это место, после долгого перехода из Основного в Новый город. Я уснула, как только легла на пол, чтобы мои ноги перестали ныть от усталости. Не знаю, сколько я спала, но не больше суток. Скорее всего, сейчас третий день, после того, как нас с мамой и остальными женщинами Основного города, привели в Новый. Эти улицы мне совсем не знакомы. Здесь большие дома серого цвета, очень мало окон и много дверей. Нас разместили в отдельные комнаты, и я не знаю, что сейчас с ней, со всеми ними. Я знаю, что со мной. А со мной сейчас случится истерика. Я устала себя контролировать и вести тихо, в своем плену. От этого нет никакого толка. Быть может, если я немного пошумлю, что-то изменится. Но, судя по тому, что в Новом городе меня считают предателем, после того, как я сбежала с оружием, чтобы предупредить Совет пяти об угрожающей Основному городу опасности, со мной не будут мягко и обходительно обращаться. Вероятно, у ме-

ня одной в комнате нет окон и общения с остальными. Мой рюкзак забрали еще на входе в здание. В той куче тряпья, куда его бросили, было множество вещей, принадлежавших жителям моего города. Нас лишили всего, что могло бы нам облегчить существование. А перед тем, как запихнуть меня в комнату, служащий, неприятной внешности с большим ртом и лохматой прической, обшарил мое тело, прикасаясь и задерживаясь на всех выпуклостях моей фигуры и наконец, нашел на шее неприметный кулон, который сорвал, даже не расстегнув, и засунул себе в брюки. В ответ, я замахнулась на него рукой и обцарапала ему лицо, давно не стриженными ногтями. Он отскочил от меня с криком и уже поднял руку на меня, чтобы ударить, но я вывернулась и снова атаковала первой, толкнув его в грудь. Моя рука тогда соскользнула, но попала как нельзя лучше, достигнув цели. Согнувшись, он восстанавливал дыхание, а двое других, скрутив меня, заперли одну. Так зла я еще не была ни на кого. Даже сейчас, после того как прошло достаточно времени, при воспоминаниях его мерзкого лица меня колотит от злости и охота разбить кулак об стену.

За все время пути в Новый город, я не встретила в колоннах, выводимых пленных из города, ни Су, ни Мар, ни остальных. У меня есть надежда, что они избежали этой участи. Что они скрылись от людей с оружием и сейчас на свободе. Так было бы правильно. Я устала себя винить, но по-другому не могу. Похоже, что я одна виновата во всем слу-

чившемся, не зря же все крутится вокруг моей персоны. Еда у меня тоже особенная, она в основном растительная. Никаких примесей лекарств я не наблюдаю, значит, меня не собираются лишать чувств. Следовательно, кто-то хочет, чтобы я как следует, прочувствовала эти моменты и обдумала свои действия, без влияния лекарственных препаратов на мой организм, которые притупили бы мои болезненные ощущения в душе.

Я выливаю остатки воды себе на голову, чтобы освежиться. Моя одежда, как и я сама не очень приятно пахнет. Черные штаны неприятно липнут к телу, а майка уже давно растянута, от того, что я не могу успокоить свои руки, и оттягиваю ее то – вниз, то – вверх, чтобы помахать на себя и охладиться. Или это просто нервное, так как я не ощущаю успокоения от всех этих движений. В комнате очень душно, а тусклый свет от лампочки, который светит постоянно, не выключаясь ни днем, ни ночью – раздражает. Мои мысли начинают плавиться, меня постоянно клонит в сон от жары и безделья. Но я заставляю себя не расслабляться и расхаживаю по комнате почти все время, кроме сна. Я беру в руки пустую железную тарелку, в которой для меня большими ломтями был накрошен салат, с заветренными и местами подпорченными овощами, и начинаю стучать по деревянному полу и бетонным серым стенам, что есть силы, создавая очень много шума. Так стучу очень долго, пока в ушах не звенит, но ничего не происходит. Только паника нарастает, от того, что

все бесполезно и у меня нет выхода из этого помещения.

Если я правильно считаю дни, то сегодня третий. А это означает, что если все пошло по плану правления Нового города, то Основного города и его населения, включая Совет пяти – больше нет. Именно три дня председатель правления рассчитал на полное уничтожение недостойного существования – Основного города. Не знаю, успел ли кто-то из Совета спастись, но надеюсь, что да. Судя по тому, что мне говорили в мое последнее посещение здания Советов, Основной город не имеет отношения к похищению девушек, выкупам и оружию. Это, конечно не снимает с них ответственности за то, что они кормят народ города лекарствами и не делают ничего, для улучшения жизни под куполом, прогнившим, как и само правление, но они не убийцы! Они не хотели беспорядков и придерживались политики, которую избрали для своего города – никакой войны, никакого оружия, никаких мятежей и прочего. А вот правление Нового города давно вынашивало планы по нападению и присвоению себе технологий и населения, для полного и единоличного владения. Им надоело зависеть от подачек Совета с их постоянными ультиматумами и правилами. Они сделали все, чтобы развалить систему, которая строилась не один век. Они победили. Но их ли это победа? Или победил кто-то третий. Я не могу пока понять, что же произошло и кто виновен в похищениях? Если Основной город не имел сговора с похитителями, для ослабления Нового города, с целью завоевания наиболее

пригодной к жизни территории, то кто? Я, было, думала, что все подстроено Новым городом, для того, чтобы безо всяких претензий упрекать после – правление Основного города. Но вспоминаю, как они обыскивали убежище похитителей и понимаю, что они не могли так притворяться и прочесывать каждую меру, только для того, чтобы показать, что они не причастны к случившемуся. Да и для кого? Для меня? А кто я? Простая девочка из Основного города, которая оказалась не в том месте не в то время. Это без сомнения я привела их к убежищу и показала оружие похитителей. Кому-то был нужен целый склад опасного металла. Но кому и для чего я не могу понять.

Мои мысли снова заводят меня в тупик, и я начинаю бить о стены тарелкой с новой силой. Может эти действия, и не приведут ни к какому результату, но определенно кому-то я сверну кровушку, как и себе впрочем. На себя мне уже давно плевать. А если, я надоем хоть одному человеку, из этой вооруженной по полной программе своры, то можно считать мой день, или вечер – не зря прожит.

Я слышу звук щеколды, что отворяет небольшое окошко в двери моей комнаты для передачи мне пищи и мчусь к двери, чтобы разглядеть кого-то или что-то, и попробовать распахнуть дверь, но как только я достигаю этого отверстия, на меня выливается целое ведро ледяной воды. Я замираю на месте, как вкопанная и кричу, от неожиданности и холода, что сковывает мои движения и заставляет замереть сердце.

– Тихо тут! – Слышу я мужской бас за створкой, и она с грохотом закрывается, снова гремя защелкой.

– Ну, уж нет! – Шепчу я, или мне так кажется, так как я уже несколько дней не открывала рта, для разговоров.

Я начинаю стучать еще громче, чем прежде, прилагая все усилия, для того, чтобы это окно снова открылось и произошло хоть что-то. Если я смогла их вывести на монолог, хоть на какие-то два слова, то возможно – это не последний мой разговор, и они смогут мне что-то объяснить, когда им надоест обливать меня водой. Тем более ледяной душ мне пошел на пользу и мои мышцы просыпаются, от затяжной дремы, что навивала духота помещения.

–Ээээй. – Сопровождаю я своими криками шум тарелки.

Створка снова гремит, и я без промедлений кидаюсь к ней и успеваю просунуть руку в отверстие. На мой жест мне отвечают своим. Меня хватает кто-то за руку и больно давит мое запястье. Я кричу и пытаюсь вытащить руку, но ее крепко сжимают с той стороны и вдобавок тянут к себе. Я продолжаю сопротивляться и чувствую резкую точечную боль, мне воткнули иглу в локтевой сгиб и ввели лекарство, после чего отпустили руку, и я больно ударяюсь об пол, падая обратно в комнату. Створка закрывается, а перед моими глазами начинает плыть и растворяться стена и потолок. Я погружаюсь в незапланированный сон, который приносит облегчение моему телу, ноющему от жесткого пола.

Мне снится Тим. Я вижу его в конце длинного и темного

коридора. Он протягивает мне руку и ждет, когда я подойду ближе. Но как бы я не бежала, расстояние между нами не сокращается. Тогда я останавливаюсь и кричу ему. «Тим, иди ко мне!» Но он стоит на месте и отрицательно машет головой. «Но почему ты не подходишь? Что с тобой? Ты не хочешь быть со мной? Я тебе безразлична? Почему?» Я не понимаю его и выкрикиваю «Почему?» не останавливаясь, а мои глаза заливают слезы.

– Почему? – Слышу я свой голос и просыпаюсь.

В комнате, все такой же полумрак, высвечиваемый тусклой лампой над моей головой, я лежу в той же позе, что приняла от падения, когда в меня ввели лекарство, но что-то поменялось, я чувствую чье-то присутствие и соскакиваю с пола.

– Кто здесь? – Я смотрю по сторонам и когда оборачиваюсь, вижу за своей спиной Зоина. Я подбегаю к нему, чтобы обнять, но он растворяется у меня в руках, и я промахиваюсь, врезаясь в стену.

– Что это? – Я возмущаюсь и уже начинаю думать, что это просто сон или с моей головой что-то не в порядке, но после вижу, что изображение Зоина прозрачно и немного мерцает. Это проекция, как на панели у меня дома, только намного крупнее. Не думала, что технологии Нового города настолько прогрессивны, поэтому удивляюсь. Я обхожу Зоина со всех сторон и когда уже открываю рот, чтобы выкрикнуть, что за шутки со мной играют, Зоин начинает говорить.

– Доброе утро Лин. Я не вижу тебя, но мне сказали, что ты должна меня видеть, так же хорошо, как при встрече лицом к лицу. – Я смотрю в его глаза и не замечаю, чтобы он смотрел в мои, значит это – правда, у нас односторонняя связь. – Но я могу тебя слышать и говорить с тобой, – продолжает он, – ответь, ты меня слышишь?

– Да, я слышу тебя. – Отвечаю я, все, также, не сводя с него глаз. Хоть голос и дрожит от нахлынувших воспоминаний. Хочется прикоснуться, обнять, почувствовать, что я не одна в этом мире, что кто-то заботиться обо мне, любит и сделает все, чтобы вытащить меня отсюда. Его лицо приобретает более спокойный вид, после моих слов. Думаю, он не ожидал меня услышать.

– Мне предоставили шанс поговорить с тобой и убедить всех, что ты не причастна к заговору, что это глупые обстоятельства привели тебя в Основной город. Скажи, что ты хотела помочь им, скажи, что не связана в створе с Советом, расскажи, что ты сказала им! – Зоин резко обрывает свою речь, хотя его губы, все еще продолжают беззвучно говорить. Наверное, нам отключили связь, не желая, чтобы я слышала все это.

– О чем ты? Конечно же, я не имела ничего против правления Нового города. Я хотела им помочь! – Я поняла, что ждет от меня Зоин, чтобы те, кто рядом с ним, услышали от меня правильные слова. Я принимаю эту игру, если она хоть как-то мне поможет. – Я направилась, вместе с остальными в

Основной город, сразу, после того, как услышала план правления. Он мне показался не совсем надежным. Да, это своеволие, но я импульсивна, и мне казалось это единственно верным решением. Я знала, что если выскажусь, мое мнение не будет учитываться и все пойдет по заготовленному сценарию. Я же не хотела жертв людей, тех, кого я знаю и люблю. Я хотела мирным путем, при помощи переговоров с Советом, убедить их сдаться и отречься от власти, я сказала, что борьба бессмысленна, что вскоре Основной город будет захвачен вооруженными людьми. Я просила их выйти и повиноваться, чтобы не губить жизни простых жителей города. – Я смотрю, как Зоин внимательно меня слушает и слегка кивает головой, подтверждая верность моих слов, верность мною выдуманных слов. Значит, я все делаю правильно и если я вру сейчас, для того, чтобы выйти из этой комнаты, то я буду врать и дальше, чтобы выйти отсюда, за пределы этого города, к Тиму. – Но они мне не поверили и обозвали глупой девчонкой, сказали, что меня дезинформировали, что город надежно защищен и в него никто не проникнет. Они покинули зал заседаний, даже не выслушав меня до конца. А я хотела им сказать многое. Я хотела плюнуть им в лицо, за все то, что они заставили меня пережить, за лекарства и похищение. – Я понимаю, что переигрываю, когда Зоин кривит лицо, и умолкаю, чтобы не сказать еще чего – ненужного. Жду их реакции на мои слова, на мою ложь. Поверят ли они в нее? И они снова включают звук, давая высказаться Зоину,

толи, поверив мне, толи, сделав вид, что поверили.

– Я говорил им тоже! Я знал, что ты чиста и согласна с выбором правления, только не хочешь жертв. – Слава богу, я сказала именно то, что Зоин им поведал обо мне, ну, или почти то. – Я прошу их помиловать тебя и выпустить, под мое слово, под честное слово члена Правления по связям с общественностью. – Зоин повышает голос, давя своим авторитетом, на тех людей, которые рядом с ним. И в его глазах я вижу удовлетворение от власти, что он имеет над этими людьми. Да он не простой человек с улицы и его должны послушать, или хотя бы побояться послушаться его.

– Зоин, что с мамой? – Успеваю я задать вопрос, когда его изображение уже начинает меркнуть и все сильнее рябить, прерывая нашу связь.

– Все в порядке, я слежу, чтобы с ней было все хорошо. – Он отвечает мне, когда связь прекращена, и это последнее, что я успеваю услышать от него. Больше я его не вижу и не слышу. Я стою перед стеной комнаты, одна, оглядываюсь по сторонам, выжидая, что же будет дальше.

Ничего не происходит, и я присаживаюсь на пол. Сажусь и раскачиваюсь на месте. Если они смогли впустить в мою комнату проекцию Зоина, и слышали меня, значит, они могут следить за моими действиями. Я должна показать им, что не опасна. Что напугана и не буду сопротивляться. Что, то, что происходило недавно, я имею в виду мой срыв, было лишь помутнением рассудка из-за непонимания, происходящего

со мной. Спустя некоторое время, я слышу щелчок в двери, но это уже не тот, что я слышала ранее при открытии окошка для приема пищи, этот намного громче. Я вскакиваю с пола, но остаюсь стоять на месте, чтобы не спугнуть их своим напором. Выждав немного времени, они отворяют дверь, а я продолжаю стоять. «Я спокойна и сдержана», повторяю себе и ожидаю их первого шага. И вот, когда дверь уже полностью открыта, ко мне в комнату входит какой-то мужчина в форме, что я видела раньше на всех тех, что участвовали в захвате города, он проходит и встает напротив меня, смотрит мне в глаза. Его взгляд суров и тверд, на лице много ссадин, что не успели еще зажить от событий, что происходили недавно. Значит, кто-то сопротивлялся. Кто-то мог ответить человеку с оружием, не боясь того, что может последовать после. У мужчины строгая выправка и идеально зачесанные назад волосы. Мне даже стало не по себе от своего внешнего вида, который я уверена, оставляет желать лучшего. И я не смею заговорить первой. Я так вжилась в роль обиженной и оскорбленной недоверием жертвы, что не буду агрессивно действовать. Я буду наблюдателем, хотя бы первое время, пока не разберусь, что здесь происходит.

– Лин, мы разбираемся в случившемся и под честное слово члена Правления, даем тебе шанс показать себя, убедить нас в своей преданности Правлению Нового города. Следуйте за мной.

Я киваю и жду. Мужчина в форме отступает на шаг и по-

ворачивается ко мне спиной, немного несмело. Мне даже польстило то, что такой рослый и сильный человек может быть напуган маленькой девочкой, что просидела взаперти, не имея возможности выбраться. Я улыбаюсь ему в спину, не сумев удержать себя, даже если меня видят, скорее всего, подумают, что я рада своему освобождению, а не усмехаюсь над солдатом, что призван внушать мне страх.

Мы идем длинными, темными коридорами. Я сбилась со счета, уже на пятом или шестом повороте, которые петляли то на право, то налево. Я перестала запоминать дорогу, когда поняла, что пока, мне это не по силам. Вот если бы у меня был открытый доступ, то я смогла бы изучить здесь все. Но пока что, я даже не знаю, куда и на какое время, меня уводят из моей темницы.

Коридор заканчивается дверью, что мой провожатый открывает, запуская меня внутрь, но сам при этом не следует за мной. Дверь закрывается на замок за моей спиной, и я вздрагиваю, пугаясь нового заточения. Но обернувшись, понимаю, что это рай. Меня привели в ванную комнату. Об этом я уже не смела мечтать! Уже были мысли, что мне не дадут возможности искупаться, проявляя, таким образом, наказание. Душ – он теплый. Вода приятно гладит мою кожу, смывая весь пот и пыль прожитых дней. Всю усталость, что накопилась в каждой клеточке моей кожи. Она очищает меня снаружи и изнутри, придавая уверенности и силы. Теперь мне становится легче и я снова могу действовать. А вдоба-

вок, обнаруженные мной флакончики с пенящимися жидкостями, до конца приводят меня в восторг, что я даже смеюсь и прыгаю от удовольствия, чуть не поскользнувшись на гладком и мыльном полу душевой. Когда я заканчиваю мыться и выхожу, вытираясь полотенцем, моя беззаботность улетучивается, принимая на плечи всю тяжесть неизвестности, что мне еще предстоит порушить. Я готова и буду бороться. Пока по их правилам, но уверена, что когда я изучу их игру, я применю свою тактику и выйду отсюда, чего бы мне это не стоило. Они еще узнают меня. И я сама, я тоже себя узнаю. Сейчас, меня пугает мой настрой. Я выросла, в связи со случившимися со мной событиями. Но я привыкну к этому и начну прямо сейчас. Я готова играть по их правилам, и показать им покорность и преданность, именно это пытался объяснить мне Зоин. Я их человек, готовый служить Правлению и Новому городу – верой и правдой, до той поры, пока они не поверят мне, и не утратят бдительность.

Я расчесываю волосы, найденной на полке расческой, неловкими движениями, так как не нахожу зеркала, в которое могу увидеть себя. Я вижу чистую, выглаженную одежду в серых тонах, что взамен моей старой была положена на стул, рядом с душем. Значит, я не была здесь одна и совсем этого не заметила, за своей радостью, перед водой и мылом. Нужно быть аккуратнее, они повсюду, даже там, где я надеялась остаться одна.

Переодевшись, я стою на месте, уже зная, что за мной на-

блюдают и должны увидеть, что я готова покинуть душевую комнату. Так и есть, двери со щелчком отворяются и меня снова встречает тот же человек, что провожал сюда. Он жестом указывает следовать за ним и снова поворачивается ко мне спиной, уже более уверенно. Вот оно что? Как же быстро он потерял тревожность по отношению ко мне. Выходит я хорошая актриса, и мое невинное выражение лица, готовое к выполнению приказов, уже не вызывает такого трепета, что я заметила ранее.

Мы снова идем по лабиринтам коридоров, и я не знаю, куда они ведут. Может обратно в мою комнату? По спине пробегает холод, от одной только мысли, что меня снова могут запереть, но я гоню этот страх. Не для того меня выпускали и придавали мне человеческий образ, чтобы снова запереть. Я выхожу на новый уровень и должна ему следовать, не позволяя страху одолеть меня.

Снова дверь. Теперь я останавливаюсь перед ней в ожидании. Что или кого я встречу на этот раз? Но когда она отворяется, и мужчина в форме отходит от проема, пропуская меня внутрь, я зажмуриваю глаза, он непривычно яркого света, что льется с другой стороны. Эта комната огромна и она наполнена людьми. Когда мои глаза привыкают, и я готова зайти внутрь, дверь за моей спиной снова с грохотом закрывается и все, кто находится здесь, оборачиваются, и замирают, обращая на меня свои взоры.

Глава 2.

Я стою у двери и рассматриваю огромную комнату и всех, кто в ней находится. А все они – смотрят на меня и ждут, когда я отомру и начну действовать. Это большая столовая. Повсюду расставлены стулья и столы, соединенные в один большой стол, за которым сидят женщины, в таких же серых одеждах, что выдали мне после душа. Они принимали пищу, до того, как я прервала их действия, своим неожиданным появлением. Я привыкаю к обстановке и иду на свободное место, что вижу неподалеку от меня. Сажусь, выпрямляю спину и принимаюсь разглядывать всех, кто еще смотрит в мою сторону. Они отводят глаза, встречаясь с моим взглядом, и снова продолжают то, чем были заняты до моего появления. Они едят, черпая ложками из таких же железных мисок, что бросали мне в комнату. Но содержимое их, отлично от того, что подавали мне. Это выглядит более съедобно и калорийно, чем то, что было подано мне, за все эти дни. Я уже чувствую аромат, что разносится повсюду, и слышу, как мой желудок начинает недовольно урчать, требуя себе того же, что в чашке вот этой женщины, сидящей рядом.

На свободное место, рядом со мной, подсаживается молодая девушка, и я вздрагиваю, от неожиданности. Я уже забыла, что можно так тесно общаться с человеком и отвыкла от этого за все дни, проведенные мной в одиночной комнате.

– Привет, я Кара. – Улыбается мне девушка и ставит передо мной миску с едой и кладет ложку рядом. Она смотрит

на меня своими голубыми глазами, излучая доброжелательность и давая мне понять, что не несет в себе угрозы, своей улыбкой.

– Я Лин. – Отвечаю ей хриплым голосом и прочищаю горло, от долгого молчания.

– Очень рада знакомству. Можешь, есть, я принесу себе еще. – Она говорит это, и встает, направляясь в угол комнаты, где стоит небольшой стол с тарелками, ложками и массивным котелком, наполненным той же пищей. Я наблюдаю за ее действиями, чтобы запомнить и в следующий раз, если он будет, уже действовать самостоятельно, не затрудняя кого-либо в подаче мне еды. Девушка возвращается, грациозно пододвигая стул, ближе ко мне, и принимается за еду. Я, немного посомневавшись, решаю последовать ее примеру и направляю первую ложку с едой себе в рот. Прожевав, понимаю, что еда ничуть не отличается от той, что я пробовала в доме Зоина. Это – та же каша с овощами и кусочками мясного продукта, даже на вкус ничем не отличающаяся от приготовленной еды, в его доме. Точнее, на вкус она даже рядом не стоит с той кашей, что готовила Су в своем домике в Коммуне. И от воспоминаний об этом, мне становится грустно. Девушка, сидящая рядом, замечает мою тоску и шепотом говорит.

– Не волнуйся, ты привыкнешь к этой пище. Она немного странная и отличается от той, что мы ели в контейнерах Основного города, но эта, даже лучше. Я чувствую, как она

придает мне сил и еще что-то. – Она умолкает, и я понимаю, что она «чувствует».

Значит, правление не стало добавлять, привычное для всех этих девушек, лекарство в пищу и дало им возможность чувствовать, как дает мне. Это настораживает, но я не знаю их планов, относительно нас, поэтому не строю никаких предположений, пока не строю. Я киваю на слова Кары и продолжаю есть. Когда моя миска опустела, я уже хотела встать с места, но девушка останавливает меня, хватая за руку, под столом. Я вопросительно на нее смотрю, а она, еле заметно шепчет мне, не придвигая головы в мою сторону.

– Подожди немного, не вставай, пока не услышишь сигнала, разрешающего сделать это, а потом иди за мной следом.

Я удивленно поднимаю брови, но потом принимаю эти правила, и не привлекаю больше к себе внимания, сижу в ожидании, разглядывая присутствующих за столом. Многие тоже уже закончили, есть и сидят с опущенными на стол руками и, уставившись перед собой, ожидая разрешения встать, что должно последовать, если верить сидящей рядом темноволосой, голубоглазой, стройной девушке – Каре. Большинство из присутствующих, мне не знакомо, лишь в некоторых лицах я узнаю своих дальних соседей, или женщин, что случайно попадались мне на глаза ранее, а может, они просто похожи, на виденных мной людей. Я вглядываюсь в каждое лицо, пытаюсь увидеть маму, но ее здесь нет. Когда я уже хотела уткнуться в тарелку и пустить одинокую слезу

отчаяния, я вижу лицо, которое не ожидала здесь увидеть во-
все. Это морщинистая, старая женщина, совсем не похожа на
ту, властную и самодостаточную личность, что я видела ра-
нее, но я узнаю ее. Это госпожа Варн, член совета, отвечаю-
щая за обучение. Что она здесь делает? Почему не скрылась,
после нашего разговора? Возможно, ее преклонный возраст,
помешал податься в бега, вместе с остальным Советом. А
может и остальные члены Совета пяти, находятся неподале-
ку, в таких же отдельных комнатах, что и я? Тогда почему
член Совета пяти, находится здесь, рядом с обычными граж-
данами бывшего Основного города? Почему именно ее отпу-
стили? Может они не узнали ее и приняли за обычную жен-
щину? Вопросы роятся в моей голове, может быть, поэтому,
я не могу отвлечься от разглядывания женщины, от осозна-
ния, что даже люди Совета могли быть захвачены и уравни-
ны со всеми нами.

Госпожа Варн замечает мой взгляд и еле уловимо кивает
мне. Она меня узнала? Я не успеваю прочитать в ее глазах
ответы, потому что она опускает голову в свою тарелку и чер-
пает последнюю ложку из своей миски, кладет ложку на стол
и смотрит точно так же, как остальные, перед собой, подавая
знак окончания принятия пищи. Когда все присутствующие
в комнате смирно сидят около минуты, звучит громкий звук,
оповещающий окончание обеда. Не сговариваясь, женщины
поднимаются со своих мест, медленно продвигаясь к двери,
что противоположна той, из которой появилась я. Я иду ве-

домая потоком, то и дело, оборачиваясь на Кару и выискивая глазами госпожу Варн, которая скрывается за дверьми и теряется в тусклом коридоре.

После ярко освещенной комнаты, войти снова во мрак, непривычно для моих глаз, и я промаргиваюсь, приводя зрение в порядок. Через некоторое время, я снова привыкаю к освещению и начинаю различать коридор, вдоль которого мы движемся и открытые двери, расположенные с правой стороны от нас. В них постепенно заходят женщины из нашей цепочки, а мы продолжаем идти дальше, пока Кара, идущая следом за мной, не берет меня за руку. Я оборачиваюсь к ней.

– Куда мы идем?

– Шшш, – издает она звук, призывающий меня к молчанию, и продолжает шепотом, что еле различим в звуках шагов, – твоя комната, находится через четыре, следующих за этой. Ее номер 125, запомни. – Она прекращает говорить, но не отпускает мою руку, а проделывает какие-то манипуляции, разжимая мои пальцы, что плотно сцеплены, он волнения. Она вкладывает мне в руку бумагу и поворачивает к двери номер 124. Напоследок шепнув «Не читай, пока они не выключат свет»

Я оборачиваюсь на нее, немного замедляя шаг, но вскоре в мою спину начинают толкать чьи-то руки, и я захожу в свою сто двадцать пятую комнату. Мои пальцы, все так же сжаты в кулак, только теперь еще крепче, чем раньше. Я храню в них

что-то ценное, что позволит мне понять что-то. А может, и нет, но я не рискую ослушаться девушку, что проявила ко мне внимание, и слеую ее наказаниям.

Попав в свою комнату, я даже рада, что она освещена и в ее обстановке имеется кровать, столик и стул. Больше ничего, но это уже что-то. По сравнению с теми условиями, что были предоставлены мне ранее – это шикарная комната. Я с разбегу падаю на кровать и как можно незаметнее засовываю бумажку, переданную мне, под резинку своих серых штанов. После этого я просто лежу и позволяю себе расслабиться, вытянув ноги, и руки вдоль туловища и прикрываю глаза, отдыхая от впечатлений. Я обдумываю произошедшее со мной и делаю вывод, что сейчас вечернее время суток и пища, которую мы принимали – была нашим ужином. Это единственное объяснение того, что все разошлись по комнатам, готовясь ко сну. Предположить, что из этих небольших помещений можно выйти только для того, чтобы пройти в столовую, я боюсь. Ведь это означает плен, из которого мне нет выхода. Это безысходность, которую я не хочу принимать на себя, раньше времени. Я хочу разобраться во всем этом и лучше делать это постепенно, не шокируя себя заранее, неверными рассуждениями.

Неожиданно для меня, гаснет свет и в комнате становиться темно. Я не вижу даже своих рук. Как же я могу прочесть содержимое листка, переданного мне, если вокруг так темно? Я уже паникую, но переведя дыхание, решаю подождать,

пока мои глаза привыкнут к темноте. Когда проходит около пяти минут, а светлее для меня не становится, я сажусь на кровати, не желая мириться с этой темнотой. В эту минуту, в коридоре, по которому мы шли, загорается тусклый, красный свет. Этого, конечно, мало, но должно хватить. Еще радует, что наши двери не закрыты, хотя я не уверена, что ходить по коридору в ночное время – разрешено. Я снова ложусь на кровать, лицом к подушке и тихонько достаю из-под резинки штанов, записку. Расправляю ее, как можно аккуратно, но в тишине, что окутывает меня, этот звук кажется мне слишком громким. Я оглядываюсь по сторонам и замираю на несколько секунд, прислушиваясь, не идет ли кто за мной. Все тихо. И напрягаю глаза, чтобы прочесть написанные буквы, расплывающиеся нечеткими контурами у меня перед глазами.

«Мы с тобой!»

Я кручу листок, снова пытаюсь увидеть что-то еще, переворачиваю на другую сторону, но там нет ничего, кроме этих трех слов.

«Мы с тобой»?

Что это значит? Может это обычное приветствие всех новеньких этого места? Тогда для чего такая таинственность, если эти слова не несут за собой никакого смысла? Они должны что-то значить. Иначе все это придает окрас сумасшествия. Или я схожу с ума, или меня принимают в свои ряды – уже сошедшие с ума, бывшие граждане Основного

города. Должен быть смысл, до которого я пока не могу дотянуться. За всеми этими мыслями, что роятся в моей голове, я не замечаю, как засыпаю и вижу тот же сон, что недавно напугал меня. Тот же коридор и Тим, стоящий в противоположной от меня стороне, освещенный солнечным светом. Я снова бегу к нему, а он не приближается, не смотря на пройденные мной меры. Я падаю на колени и начинаю рыдать, от безысходности, закрывая лицо руками и выкрикивая «Почему?». Потом поднимаю глаза, рассматривая его, вглядываясь в его глаза, ища в них ответ. Он все так же красив, а в падающих на него лучах, выглядит прозрачным и ярким. Я стираю слезы со своих глаз и встаю на ноги, я просто стою и наблюдаю, как он улыбается, разглядывая меня. А потом он произносит «Мы с тобой!». И я просыпаюсь, от его голоса, так больно режущего мою память, своим приятным тембром.

Глава 3.

Еще несколько минут, я лежу в полной темноте, пытаюсь понять, где я, и что со мной случилось. Когда все события разложились в моей памяти в своем порядке, я слышу сигнал, оповещающий нас о наступлении утра. Он пищит так громко, что даже тот, кто не желал просыпаться этим утром, подскочил в своих постелях, я уверена. Я поднимаюсь, гадая, что же мне преподнесет этот день и стану ли я ближе к своей цели, или она снова отдалиться от меня, пустым ожиданием. В моей руке, крепко сжат листок, с посланием. Я зажи-

маю его еще сильнее и мну в руке, чтобы превратить листок в разорванные клочки. Не думаю, что будет хорошей идеей, поделиться с кем-либо из служащих этой информацией. Когда, я ощущаю ладонью, что ничего от записки не осталось, кроме мятых обрывков – я встаю с кровати.

Женщины из соседних комнат, уже идут по коридору, и я проникаю в тот поток, вливаясь тонкой струйкой в бурную реку. Теперь мы идем в другом направлении от столовой. Я выискиваю глазами Кару, но не вижу ее, за спинами других женщин. Разные лица мелькают передо мной и каждая из них, пытается взглянуть на меня, словно я новая игрушка в их доме.

Мы доходим до комнат, за дверьми которых, слышен шум воды. Это душевые, похожие на ту, в которой я была недавно, но только намного больше. Каждая, рассчитана на шесть человек. Кабины разделены стенами по бокам, но совсем не имеют двери, закрывающей от посторонних глаз. Я чувствую себя неуютно, раздеваясь перед всеми, напоказ. Но, несмотря на это, не могу лишиться себя возможности, принять утренний душ. А еще, у меня есть задача – выбросить в слив остатки записки, чтобы даже следов от нее не осталось. Я уверена, что поймай меня кто-нибудь из служащих за руку с такими сведениями, то сразу упекут обратно, за попытку сговора с местными. Закрываю глаза и перебарываю себя, снова. Я должна следовать их правилам. Захожу под струи горячей воды и расслабляюсь, от удовольствия, которого была лише-

на, долгое время. Из руки плавно опадают обрывки бумаги и вместе со струями воды утекают в слив. Теперь – спокойнее. На водные процедуры было отведено мало времени, я это не сразу понимаю, а когда замечаю, что осталась одна, выскакиваю, наспех вытираясь, и влезаю в свежую одежду, что вновь оказалась на месте старой, пока я была занята, и не следила за происходящим вокруг. Я догоняю последнюю из уходящих по коридору женщин, и касаюсь ее рукой, чтобы задать свои вопросы. Она охотно оборачивается, и улыбается мне. Ее лицо, кажется мне знакомым, длинные кудрявые волосы до плеч, карие молодые глаза и ярко-алые губы. Может мы виделись где-то в Основном городе, раньше, в школе, или на улицах.

– Извини, я не знаю, куда мне следует идти дальше. – Я выискиваю в ее глазах ответ, но она не намерена скрывать от меня что-то и с радостью выдает мне информацию.

– Конечно, иди за мной, сейчас будет завтрак. Все тоже, что и ужин, только короче. А после будут индивидуальные занятия. Не могу сказать, куда тебя пригласят. Нам выдают записки с номерами комнат, куда мы должны пройти. Это увлекательно, каждый раз, что-то новое. – Она рассказывает о своем заточении в этом здании с таким энтузиазмом, что мне, вся эта ситуация, невольно кажется отвратительной. Как возможно полюбить то, что тебя держат в клетке, и иногда позволяют перемещаться в заданном направлении. Глупо.

Возможно, девушка, заметила мое замешательство на лице, потому как не стала больше навязывать свое общество, а развернулась и весело пошагала к столовой. Я иду за ней, а сама, тайком, осматриваю коридор и комнаты, что сейчас не заперты. Обстановка в них столь же мрачная, как и в моей комнатке. Лишь кровать и тумба. В некоторых комнатах стоит две или три кровати. Больше никаких отличий я не различаю. Вот только почему моя комната одиночная, а кому-то дозволено общение? Они что, что-то особенное сделали? Или не сделали? Или меня все еще стараются держать обособленно – опасаясь, что я что-то могу сделать с их устоем, нарушить и поколебать их авторитет, рассказав то, что не каждому следует знать. Это было бы просто, но я не могу сейчас себе этого позволить. Нужно послушной овцой идти на заклатие, чтобы не вызвать лишних подозрений, лишь в самый последний момент, когда они потеряют бдительность – взбрыкнуть.

Двери столовой распахнуты настежь. Они растворяют в себе подошедших девушек и манят запахами пищи. Эти запахи искусственны, как и жизнь за этими стенами. Все фальшь. Обещая нам защиту и покровительство, они создали тюрьму, в которой охраняют себя от нас, а не наоборот.

Я вхожу, следом за ошарашенной ожиданием порции каши, девушкой, и подхожу к раздаточному столу. Тут скапливается небольшая очередь, но никто не торопит друг друга, наоборот, каждая спокойно ожидает своего момента, что-

бы окунуть половник в большой чан с дымящейся кашей. Это – так напоминает мне Основной город. Девушки давно не принимают лекарств, но привычки выработанные годами, никуда не делись. Все та же сдержанность сквозит в каждом жесте и взгляде. Я не вижу озорного огонька в глазах, или бурно жестикулирующих, беседующих между собой женщин, как могло быть в Новом мире, в Коммуне. В отличие от них, я нервно переминаюсь с ноги на ногу и беглым взглядом, пытаюсь вычлениить знакомые лица, из присутствующих на завтраке женщин. Но вновь убеждаюсь, что мамы здесь нет. Вместо нее, я вижу, среди сидящих за столом женщин, морщинистое лицо, когда-то властной женщины, члена совета пяти. Сейчас она больше напоминает замученную жизнью старушку, склонившуюся над своей кашей. Но вот, она поднимает на меня глаза, и я вижу, тот же волевой взгляд, что когда-то видела на заседании Совета пяти. Она спрашивала меня об истории Основного города, зная и слыша ее не в первый раз, с оживлением оценивала мои успехи в этой области. Сейчас она смотрит на меня, все с тем же любопытством и интересом. Она, определенно, узнала меня. Но я не могу прочесть в ее глазах ничего больше. Только силу и непреклонность! Меня это поражает. В ее то возрасте!

Девушка сзади, слегка касается меня рукой за плечо, продвигая вперед. Моя очередь накладывать себе еду, и я выскребаю остатки каши из кастрюли, оставляя на дне еще

немного, для тех, кто стоит за мной. Иду на свободное место, и усаживаюсь за стол. Женщины, что сидят рядом со мной, немного сторонятся, освобождая мне больше пространства за столом. А я не могу начать есть, пока снова не встречу взглядом с госпожой Варн. Она сидит, уткнувшись в свою чашку, а когда снова поднимает на меня глаза, то, еле заметно, машет головой из стороны в сторону. Не знаю почему, но я ее слушаюсь и отвожу глаза. Доедаю свою порцию, немного быстрее, чем остальные, но сижу за столом, пока все не закончат, есть, и пока снова, не раздастся этот оглушающий сигнал. Неподалеку сидит Кара, интересующая меня девушка, из всех, кто сидит здесь. Она кивает мне и снова опускает глаза. Я следую ее примеру, пока не поняла, как здесь все устроено. Раздается сигнал, от которого я, единственная, из всех вздрагиваю, вместо того, чтобы спокойно встать со своего места, как они. Немного отдышавшись, поднимаюсь со своего места. Теперь, если верить случайной собеседнице, для меня будет устроено особое занятие. Все же ловлю себя на мысли, что мне интересно, а не противно. Хочется узнать больше об устройстве быта в этом месте. На выходе из столовой, прямо в дверях, появляется служащий мужчина с карточками в руках. Каждая, останавливается рядом с ним, а он сверяет номер карты в руках с номером, расположенным на воротниках наших одежд. Я не обращала на это внимания, но теперь мне становится более некомфортно, чем раньше. Нас нумеруют, вместо того, чтобы запоминать

по именам, кажется, так поступали «Люди до», с преступившими закон лицами. Вот кто мы для них. Я не удивлюсь, что они опасаются нас, поэтому не выпускают в город, а держат взаперти. Если это так, то им есть чего бояться, несмотря на то, что мы, в данном случае, жертвы, а они – победители. Мятеж – вот, что их пугает и заставляет рассортировывать нас на незнакомые друг другу группы. Если это так, то у меня появляется надежда, на то, что мама неподалеку, в таких же условиях, как и я. Когда подходит моя очередь, за карточкой, мужчина, не поднимая на меня глаз, протягивает карту в мою руку, и сразу обращает свой взгляд на следующую за мной девушку. Может, я знакома с ним? Но нет, я впервые его вижу, хотя не успеваю разглядеть, потому что нужно идти вперед. На моей карточке стоит цифра три, вот только где искать эту комнату, я не знаю. Я стою, растерянная, посреди коридора. Почти все разошлись, а я не успела посмотреть, в каком направлении они покинули этот этаж. Если на этом этаже комнаты с трехзначными числами, то следуя логике, мне нужен другой этаж, а лестницы я не видела. Сзади, ко мне кто-то подходит, глядя меня по спине, и я вздрагиваю. А когда оборачиваюсь, то вижу ее.

– Госпожа Варн! – восклицаю я.

– Тс, тише, Лин. Меня зовут Варн, но не госпожа. – По-правляет она меня и увлекает за собой, все еще держа руку на моей спине.

– Что здесь происходит? – Пытаюсь выяснить у нее, пока

есть время, и за нами не наблюдают посторонние лица.

– Все постепенно Лин, ты всегда была более импульсивна, чем твои сверстницы, – укоряет она меня, а я не чувствую вины, нетерпеливо озираясь по сторонам, – какая комната тебе нужна? – Спрашивает она меня.

– Какая комната? Почему мы здесь, взаперти? – Не отстаю от нее со своими вопросами, пока есть возможность.

– Нас заперли, но это ничего не значит. Им придется нас выпустить и ввести в свой мир, вот только от каждой из нас зависит, как скоро это произойдет. – Она намекает мне, на то же, что и Зоин, между строк своего обращения ко мне. Я должна следовать правилам. Но я не могу этого сделать, пока не буду их знать.

– Я должна знать больше. – Не унимаюсь я.

– Все постепенно, Лин. Мы с тобой. – Я уже второй раз слышу эти слова, и уже начинаю подозревать, что это не намек на что-то, а просто слова успокоения новеньких в их рядах. Я машу головой, не желая давать негативным мыслям, проникать в мою голову. Все не просто так! Я узнаю, я пойму.

– Вы со мной? Что значат эти слова? Объясните мне уже! – Требую, чуть громче, чем ожидала от себя. На мой голос выходит служащий из столовой, тот самый, что стесненно выдавал мне карту с номером комнаты. Он идет к нам, а когда видит меня, то замедляет шаг и переводит взгляд на госпожу Варн.

– Какие-то сложности? – Уравновешенно спрашивает он.

– Нет, просто девушка заблудилась, и не знает, куда ей идти. Я провожу. – Вступается за меня она.

– Не стоит, идите по своим делам, мы больше вас не задерживаем. – Он указывает ей на противоположное направление, он нас, и она слушается его, отступает и уходит. Величественная госпожа Варн, слушает указания мужчины, не оспаривая их. Мой пыл утихает, и я, в ожидании, устала в глаза служащему. Молодому парню, исполняющему роль надзирателя, в этих коридорах. Со светлыми, зелеными глазами, вьющимися волосами рыжего оттенка и довольно внушительной фигурой. Надеюсь, что он услышал ничего не значащую часть нашего разговора и не сможет вникнуть в его суть.

– А как же я? – Задаю ему вопрос.

– Я провожу вас, идите за мной. – Он, не торопясь, обступает меня стороной и идет вперед, по коридору.

Мне ничего не остается, как идти следом. Чувствую себя собачкой, на поводке у разных людей, которые, водят меня туда, куда нужно им, но не мне. Коридор петляет поворотами и выходит на лестничный пролет. Как я не пыталась запомнить дорогу, у меня не вышло. Как я понимаю, мне предстоит провести не один день в этом месте, для того, чтобы хотя бы запомнить, что и как здесь устроено. Перед тем, как начать действовать. И я должна с этим смириться.

Ведущий меня по коридору мужчина, идет, почти не гля-

дя по сторонам. Вероятно, он знает эти места хорошо. Только постоянно наклоняется над моей карточкой и что-то разглядывает. Мне, неудобно, смотреть ему через плечо, да и он, не позволяет приближаться к нему, постоянно увеличивая расстояние между нами, словно спиной чувствую, когда я нарушаю незримую дистанцию. Когда мы преодолеваем путь, спускаясь по длинной лестнице вниз, он резко останавливается и разворачивается ко мне лицом. На этом этаже мало света, так что, я не могу различить его выражение лица. Он тоже не намерен долго стоять со мной, протягивает мне в руки карточку с номером и отступает на несколько шагов назад. Я и не заметила, что стою очень близко. Может раньше, когда я не достаточно часто общалась с противоположным полом, мне было бы также неловко. Но теперь, я не чувствую различий между нами, не считая очевидных. Того, что он мой «надзиратель», а я «заключенная».

– Вам в эту комнату, карточку уберите в карман, это ваша личная вещь. – Он заканчивает разговор, указывая мне на дверь, а сам поспешно удаляется в темноте длинного коридора. Я послушно убираю карту в карман, наблюдая за очертаниями удаляющейся фигуры.

Странное это место, да и люди здесь – странные. Но все поправимо, нужно только узнать, что они от меня хотят, и следовать их правилам. Все просто, но не для меня. Я прилагаю много усилий, чтобы не развернуться в обратную сторону, догнать этого парня и вытрясти из него все то, что я хочу

знать, любыми способами. Ловлю себя на мысли, что вполне могу ударить человека, и от страха сжимаю кулаки сильнее, не давая воображению развить эту тему. Ногти больно впи-
ваются в ладони, и наваждение отпускает.

Самое время узнать, что меня ждет впереди. Я толкаю ру-
кой дверь, и она поддается мне, плавно открываясь внутрь. Меня накрывает светом, исходящим из комнаты, и я жмурю
глаза, которые уже успели привыкнуть к темноте коридора. Не стою долго на пороге, ступая вперед. Еще не знаю, что
ожидает дальше, но стараюсь подготовить себя, заранее, к
различным ситуациям.

Глава 4.

Когда, мои глаза, привыкают к яркому освещению, и я ви-
жу окружающее меня внутри комнаты, то все, что могу сде-
лать – это отступить на несколько шагов назад, к двери.

Это комната медицинского характера. Вокруг – идеаль-
ная чистота и белизна стен, пола и потолка. Ярко бьет свет,
из потолочных приборов освещения, который направлен на
стол, стоящий посреди комнаты. Стол, не письменный, а ме-
дицинский. Меня бы не страшила, так, вся эта ситуация, ес-
ли бы, не накрытое простыней, человеческое тело. Что это?
И почему я нахожусь здесь? Стою, не смея пошевелиться.

Я разглядываю, это место в деталях, здесь царит тишина.
От нее в моих ушах начинается звон, и я зажимаю их ладо-
нями. Ничего не прекращается, а только звук, усиливается

настолько, что мои ноги подкашиваются, и я приседаю, не в силах сохранять равновесие. Затем, все проходит, так же быстро, как началось. Но картинка перед моими глазами меняется. Не слишком кардинально, но я это замечаю. Теперь, все также, только тело, лежащее на столе под белоснежной простыней, приобретает очертания. Я различаю женский силуэт, а еще, рука, выбившаяся из-под материи, мне настолько знакома, что перед глазами плывут круги. Там мама. Из-под тонкой простынки, выбилась ее изящная ручка. Я не могу ошибиться, слишком часто эти руки, гладили меня по лицу и голове. Мне знакома каждая линия на ее ладони. Но я должна проверить. И как только, я делаю шаг к столу, сразу раздается громкий, мужской голос, сверху.

«Лин, стой на месте, и выполняй наши указания. Мы запрещаем тебе приближаться к столу и что-либо трогать!»

– Что? Кто это? Почему я не могу подойти? Для чего я здесь? Это мама? – Меня прорывает, от возникающих вопросов в моей голове. Я кричу, поднимая голову к белому потолку комнаты, и слышу свой голос, отражающийся от пустых стен.

«Мы повторяем свой запрет на приближение! Советуем, следовать нашим указаниям, и оставаться на месте»

– Это мама? Там – моя мама? – Не понимаю я, указывая рукой на стол, но не слышу ответа. Слезы выступают на моих глазах, и я ничего не могу с этим поделать. Тело, без движения, лежит на столе, и лишь контуры, вырисовываются из-

под покрывала. Не могу больше выдерживать это давление, нарастающее в тишине комнаты. Мне не отвечают, и я решаюсь сделать шаг, к столу.

«Мы запрещаем приближаться к столу!» – Вновь, требовательно, звучит голос, от которого по спине пробирает мороз. Но я не могу себя остановить. Я подбегаю и сдергиваю простынь на пол. Меня, словно вбивает в пол, я стою и не могу шевельнуться. Под простыней никого нет! Даже рука, которую я видела, до этого момента, куда-то исчезла. Я моргаю, и стою, раскрыв рот.

– Что это? Что здесь происходит? – Не унимаюсь я, и кричу, уже чувствуя, нарастающую истерику. Меня колотит нервной дрожью, а слезы, которые текли ручьем, замирают, от шока! Что здесь происходит? Я ведь видела тело под простыней, и руку, мамину руку! От сюрреализма происходящего начинает кружиться голова и сохнет во рту.

«Лин, ты должна была следовать нашим инструкциям!» – Продолжает вещать голос, раздающийся по всей комнате, нагнетающий со всех сторон и давящий на голову, своими повелительными нотами. *«Ослушавшись, ты даешь нам повод задуматься, о степени твоей готовности, к вхождению в наше общество»*

– Что за бред! Я должна была слушать вас? Кто вы? Я вас даже не вижу! Я не знакома с вами! То, что вы требуете от меня – невозможно выполнить! Там была моя мама, которую вы забрали от меня! – Я в гневе, не знаю, что бы я еще наго-

ворила, если бы меня вновь не перебил голос.

«Ты должна доверять нам, Лин. Мы не хотим тебе навредить! И если мы предложили тебе, остаться на месте, нужно было довериться нам! Мы не отнимали у тебя мать! Она сама пожелала находиться в другом месте, не пересекаясь с тобой»

Вот еще! То, что они хотят мне внушить, не может быть правдой! Да она все бы отдала, чтобы быть рядом со мной, как и я. И как мне довериться тем людям, которые выпотрошили сейчас мой мозг и выворачивают наизнанку душу. Что за эксперименты? О них вообще знает правление? А как на счет того, что они «предложили» мне остаться на месте. Разве это не был приказ, раз ему не следовало противиться? Все больше и больше мне не нравится это место и особенно голоса, что «предлагают» мне подчиниться, не смотря ни на что.

– Нет! Вы врете! Мама, никогда бы так не сделала! Она всю жизнь оберегала меня и готова была жертвовать собой, чтобы у меня было все в порядке! Вы ничего не знаете обо мне, о нас! Она не могла меня оставить! – Все же не смогла сдержаться я и рыдая выговорила им свою позицию, пусть говорят, что хотят, я не должна им верить и безоговорочно подчиняться.

«А ты? Ты бы смогла ее оставить?»

Я молчу. Они попали в точку. Я могла бы ее оставить, но только в одном случае, если бы желала для нее лучшего. Если

бы я знала, что так, для нее будет безопасно. Быть может, она тоже настояла на отдельном проживании, зная, что не переживая за ее судьбу, я смогу осуществить задуманное. И еще, есть Зоин, который не позволит причинить ей вреда. Все это промелькнуло в моей голове за долю секунды, но я не следила за выражением своего лица и эмоциями, которые проступили на свет.

Они приняли мое молчание, за признание слабости. Тех, кто наблюдает за мной – это устроило, и я не стала разубеждать их. Пусть думают, что это слабая сторона в моей защите. А я, тем временем, узнаю их слабые места. Да, они знают обо мне многое, но далеко не все, только сухие факты и те разбавленные домыслами и пересудами. На этом следует сыграть.

«Все в порядке, Лин. Мы готовы тебя защищать и оберегать. Чем быстрее, ты примешь, что мы, ничего дурного тебе не желаем, тем лучше будет твое душевное состояние»

Вот как они обставили мое присутствие здесь и их аморальные тесты. Теперь это называется защитой? А мое душевное состояние? Разве не они его только что пошатнули? Что за бред здесь происходит? Глубокий вдох и медленный выдох помогают мне затушить разгорающийся гнев, и я внимаю им дальше.

«На сегодня ты свободна. Уже обед. Следуй, за провожающим тебя служащим, в столовую»

Не может быть? Я провела в этой комнате не больше получаса, а они утверждают, что прошла первая половина дня. Они как-то воздействовали на мое сознание, заставляя меня видеть то, что им нужно, в тот временной промежуток, который они для меня отмерили. Они копались в моей голове, ища страхи, которые воздействуют на меня должным образом. Вероятно, какое-то время я была без сознания, но я не могу восстановить все события в своей голове. Я помню, лишь момент до наступления основной галлюцинации, и после, когда она наступила. Помню, как звук, заставивший меня потерять равновесие, изменил реальность. Теперь мне понятно, как они намерены действовать. Это, должно мне помочь, в дальнейшем. Если, я намерена продолжить играть по их правилам, то мне нужно научиться владеть собой, и в следующий раз, не позволять своей импульсивности, идти впереди моего разума. Сказать проще, чем выполнить. Ведь еще неизвестно, что они придумают, дальше.

Я покидаю комнату, а в коридоре меня ждет уже другой мужчина, готовый проводить меня в столовую. Я особо не всматриваюсь в черты его лица, да и в данный момент не могу ни на чем сосредоточиться. Перед глазами не четкая картинка, однако, то, что у сопровождающего темная шевелюра я разглядела. Не могу сказать точно, что они делали с моим мозгом, но после их вмешательства, мне хочется спать. Усталость накатывает на меня волнами, и если я пойду есть, то, боюсь, опущу лицо в чашку с кашей. А при мыслях о еде,

меня начинает мутить. Не знаю, можно так, или нет, но я ухожу из столовой, как только меня покидает провожающий. С легкостью нахожу свою комнату, и падаю, на свою койку.

Мне ничего не снилось. Я помню, как закрыла глаза, и теперь, я их открываю. Вокруг темно, свет в комнате не горит, и из коридора не доносится ни единого звука. Не может быть, чтобы я проспала до ночи. Но, другого объяснения, у меня не находится. Спать – уже не хочется, а что делать, в таком случае, я не знаю. Я заснула в одежде, теперь мне жарко и некомфортно, и туалет посетить не мешало бы. Интересно, что мне будет, если я прогуляюсь до душа, ночью. Решаюсь проверить. Я встаю с постели, и тихо, стараясь не шуметь, выхожу из комнаты. В темно красном освещении коридора все выглядит таинственно и зловеще. Аккуратно, держась за стены, перебирая руками, иду в направлении ванной. Она не так далеко, от моей комнаты, и если я успею, незамеченной, туда дойти, то это будет – моя маленькая, первая победа. Коридор кончается, и я нахожу дверную ручку, от ванной комнаты. Тяну на себя, и дверь открывается. Внутри темно. В коридоре хоть как-то я различала силуэты стен, а здесь крошечная тьма. Оставляя дверь открытой, пока я моюсь, не решаюсь. Может, мне удастся найти, где включается свет? Начинаю ощупывать руками стену, и под пальцами, щелкает кнопка. Свет, некоторое время мигает, от чего мои глаза начинает резать и щипать. Но вскоре, я привыкаю к освещению, закрываю за собой дверь и начинаю раздеваться.

Стараюсь делать все тихо и быстро, но ноги, от волнения путаются в штанинах, а руки, не могут вылезти из кофты. Когда, я справляюсь с одеждой, я встряхиваю ее, расправляя, чтобы повесить на крючок. Из кармана штанов выпадает карточка, когда я поднимаю ее и читаю, меня начинает трясти, от страшных воспоминаний, которые я хотела запрятать глубже в подсознание. Это карточка с номером комнаты, в которой мне пришлось побывать недавно. На обратной ее стороне тоже что-то написано. Раньше она была чиста, поэтому я с интересом рассматриваю буквы, складывая их в слова.

«Мы с тобой»

Это должно что-то значить, но мне становится страшно, от этого совпадения. Уже два человека передают мне записки с этими словами, и один напрямую их говорил. Но сейчас это меня не успокаивает, а наоборот – пугает. Что все это значит? Меня пытаются подбодрить или что-то сообщить. *«Мы с тобой»* – это означает *«Держись, мы все через это прошли, ты справишься»*, или *«То, что здесь происходит, нам кажется странным и неуместным, как и тебе»*. Больше всего в моей голове не укладывается, что одну карту с этой надписью мне передал служащий из нашей охраны.

Я стою под холодными струйками воды, смывая тяжелые воспоминания прошедшего дня и готовя себя к новым испытаниям, стараясь не думать о словах, которые крутятся в моей голове, но ничего не выходит, они застряли там, слов-

но приклеились, стирая все, даря надежду. Они вдохновляют меня, и как бы мне не хотелось их забыть, внушить себе, что это просто слова, которые ничего не значат, в моем сознании таится надежда, как маленькая искорка, готовая разгореться, при малейшем ветерке. Если и дальше продолжать об этом думать и давать приток кислорода, то можно на пустом месте обрести веру во что-то лучшее. А я не хочу попусту терять время, веря, что кто-то сможет мне помочь. Я должна сама все выяснить и пройти этот путь. Я должна продолжать играть в их игры, заверяя своих мучителей в моей благонадежности. Я справлюсь!

После того, как я уговорила себя забыть все и двигаться дальше, а также спустив очередную записку в смыв душевой, я перекрываю воду и вытираюсь полотенцем. Когда я подхожу к месту, где оставила свою одежду, то вместо нее на том же месте нахожу в точности такую же, но чистую и выглаженную форму. Им снова удалось это сделать, не привлекая моего внимания. Нужно быть более чуткой, а не уходить в свои мысли с головой так, чтобы кто-то смел этим воспользоваться. Это хорошо еще, что бумажку со словами я скомкала и пропихнула пальцами ног в сливное отверстие, пока никто не мог меня видеть, и эта информация, с моим грязным бельем не дошла до лиц, охраняющих нас. Боюсь, мне было бы сложно объяснить этим людям, что я мало что понимаю из этого, и все происходящее со мной, меня настораживает, а не вдохновляет на подвиги.

Я пробираюсь по темному коридору в свою комнату, как можно тише, чтобы никого не разбудить и ложусь на свою кровать, притворяясь, что не покидала этого места, хотя тем, кому это важно, уже все известно. Я смотрю в темный потолок, пытаюсь что-то разглядеть, но когда мои глаза устают от напряжения, я их закрываю. Но как только делаю это, так включается свет и звучит сигнал, означающий, что нужно встать с кровати и идти в душевую комнату. Как глупо, я не дождалась подъема каких-то полчаса и еще не знаю, какое наказание за этим последует, но думаю, что просто так мне все это с рук не сойдет. Теперь уже поздно притворяться, что я спала и идти вместе со всеми, поэтому я лежу на своем месте, и наблюдаю, как мимо дверного проема проходят женщины и девушки, которые не крутят головой в мою сторону, а просто идут, покоряясь новому расписанию своей жизни. Они легко принимают эти правила и, возможно, вскоре будут помилованы и выпущены на свободу, для того, чтобы так же смиренно и покорно вести себя в Новом городе. Не этого я хотела, не для этого я разжигала в себе бурю чувств, чтобы всеми этими людьми вновь управляли, пусть и без помощи лекарств, но страшнее запугивания – лекарства не придумать. Все эти женщины побоятся идти против правил, даже имея полное представление о своих новых способностях ощущать этот мир, каждой клеточкой своего тела.

Когда движение в коридорах начинает редеть, и проходят последние женщины, из своих комнат, я поднимаюсь с

кровати, прекращая этот спектакль, и первая направляюсь в столовую комнату. Там еще никого нет, пустые столы и стулья, и тишина, заполняющая все помещение, нарушаемая лишь моими шагами. Я наполняю свою чашку до краев, кашей из большого, дымящегося чана. Пусть кому-то достанется меньшая порция, но я слишком голодна, и мне нужны силы, для всех этих испытаний, что подготовлены специально для меня. Они стараются, и я не должна их огорчить потерей сознания в самом пике их спектакля, поучающего и умиряющего мой пыл. Что бы они ни придумали – я готова. Я смиренно приму их учение покорности и буду действовать так, как они бы хотели. Так, чтобы у них не возникло желание вновь запереть меня в одиночной комнате без кровати.

Я почти все доела, как в проходе появляется человек в форме. Он бросает на меня удивленный взгляд и вновь превращается в немую, бесчувственную статую, смотрящую строго перед собой. Что ж, если ты не против, я схожу за добавкой. Снова наполняю свою чашку и сажусь обратно за свой стул. Постепенно, одна за другой, в столовой появляются умывшиеся и приведшие себя в порядок женщины. Все садятся на свои места, в том же порядке, что и на предыдущем завтраке. Думаю, что в обед и ужин, мой стул пустовал. Интересно, как восприняли это окружающие? Были ли они напуганы моим отсутствием, или это в порядке вещей, что после «веселых» комнат, кто-то не выдерживает и уходит в себя.

Напротив меня, снова, то же морщинистое лицо члена Совета. Она рассматривает меня, и, удостоверившись, что я в порядке, довольно улыбается и приступает к еде. Может, я все выдумываю, но мне кажется, что она рада моему возвращению в их ряды униженных, и смиренных женщин, покорившихся системе. Вдалеке, моя «подруга», усаживается на свой стул и шлет мне обворожительную улыбку. Да они просто счастливы, что я завтракаю, вместе с ними. Мне становится смешно и я не могу сдержать ответной улыбки. Но замечаю, как «подруга» отводит взгляд, и моя веселость отступает, передавая свое место настороженности и аккуратности. Снова эти правила, не выдавать привязанности, мы все едва знакомы, хоть и жили на соседних улицах, хоть и принимали женщину в морщинах, сидящую напротив, как образец для подражания. Все здесь делают вид, что впервые видят друг друга. Это должно мне помочь, я не выдам себя. Я лишь еще одна девушка, пополнившая ряды покорившихся и готовых к новой жизни женщин.

Я снова доедаю вперед всех, и жду сигнала. Наблюдаю за всеми, и вижу, с какой неохотой, девушка, сидящая рядом с госпожой Варн, кладет свою ложку на стол, после чего звучит сигнал к окончанию завтрака. Выходит, не я одна, не желаю увеселительной программы. Может, у кого в голове все устроено проще, и кто питается мыслями о цветочках и бабочках, тем не приходится так выкладываться на тестах. Я снова вспомнила девушку, что провожала меня до столовой

в первый день и ухмыльнулась своей догадке. Скорее всего, так и есть, ведь она с таким воодушевлением мне расписывала свой досуг, что мне тогда захотелось ей поверить и успокоить себя.

Мы встаем и направляемся к выходу, где свои карточки, приготовил для нас мужчина, стоящий в дверном проеме. Этого, я еще не видела. Он раздает карты, так же сверяя номера, как и предыдущий охранник. Но в отличие от прошлого раза, мой номер он просматривает, как и у остальных и не отводит взгляда, когда вкладывает карту в мои ладони. Я, с трепетом, разглядываю номер, и к ужасу, нахожу на карте ту же цифру три. Все расходятся, а я стою на месте, и чувствую, как по моей спине стекает холодный пот. Мне страшно, от того, что придется снова испытать те же чувства потери. Я не могу себя заставить идти по коридору, не могу сдвинуть ног, чтобы идти вперед, к лестнице, ведущей вниз. Охранник замечает мое замешательство и приближается ко мне.

– Какие-то проблемы?

– Нет. Да. Не знаю. – Начинаю подбирать слова, и запутываюсь. – Я не помню, как пройти до комнаты «три». – Все же, нахожу, что ответить, чтобы объяснить свое замешательство не страхом, а растерянностью.

– Без проблем, я провожу вас. Следуйте за мной.

Он говорит это, и сразу же начинает идти. Я не сразу иду за ним, а еще какое-то время, заставляю себя сделать шаг. Он оборачивается, не услышав моих шагов за спиной.

– Что-то еще? – Задает он вопрос, и изучает меня взглядом. Я не могу показать ему своего страха, я не должна так поступать.

– Нет, все в порядке. – Я начинаю перебирать ногами, и ему этого достаточно.

Мы спускаемся по лестнице, снова подходим к двери с третьим номером.

– Мы пришли, вам сюда. – Поспешно говорит он и покидает меня.

А что будет, если я не войду? Меня втащат внутрь? Или, может, не заметят моего отсутствия? Пока я придумываю предлоги, чтобы повернуть назад и убежать вверх по лестнице, двери третьей комнаты распахиваются сами, приглашая меня войти. Больше медлить нельзя и я шагаю внутрь. Дверь захлопывается за моей спиной, и я вздрагиваю, но беру себя в руки, осматривая комнату. Ничего не изменилось с прошлого раза, и я боялась этого. Тот же стол и накрытое покрывалом, тело на нем, тот же свет, бьющий в глаза и пугающая тишина, постепенно меняющаяся противным звоном в ушах. Когда, терпеть, уже нет сил, я прижимаюсь к стене, и закрываю уши ладонями.

Звон прекратился, и все вокруг поменяло свои очертания. Теперь я различаю мерцание, исходящее от вещей и предметов. Я больше не уделяю пристального внимания телу, лежащему на столе, я знаю, кто там, я замечаю детали, и останавливаю на них свое внимание. Оказывается, можно отличить

проекцию от реальности. Та комната, которая предстала передо мной, после изменений, выглядит идеально. Все предметы сверкают чистотой так, что отражают все от своей поверхности. И складки материи, накрывающей тело, выглядят так, словно их изобразил художник, продумывая каждую мелочь. Я успокаиваю себя этим, и уже не хочу бежать к столу, пытаюсь разглядеть – кто на нем. Все это не реально!

«Лин, стой на месте, и выполняй наши указания. Мы заставляем тебя приблизиться к столу и что-либо трогать!»

Снова этот голос и та же просьба. Они хотят, чтобы я была покорна. Так и будет.

– Я стою на месте, что мне делать дальше? – Пытаюсь узнать их дальнейший план действий.

«Очень хорошо, ты освоила предыдущий урок, достаточно быстро. Теперь, мы разрешаем тебе приблизиться к столу и отдернуть простынь»

– Что? Но ведь мне было не разрешено в прошлый раз что-либо трогать! – Я пытаюсь заговорить их, только бы не делать того, что они хотят.

«В прошлый раз, ты действовала по своему желанию, в этот – будешь следовать нашему»

– Хорошо. – Отвечаю я, понимая, что мне не избежать момента, когда придется сделать то, чего я не хочу.

Я, медленно, подхожу к столу, не чувствуя своих ног. Они, словно не мои, идут сами по себе, без моего желания. Я должна. Я сделаю это, и избавлюсь от этой комнаты. Дрожа-

щей рукой, я одним движением, сбрасываю материю на пол, и мое дыхание останавливается. Я хватаю воздух, пытаюсь восстановить работу легких, и зажмуриваю глаза, чтобы не видеть больше ту, что застыла без движений на столе. Это не реально, это не моя мама! Это не реально, это не моя мама! Это не реально, это не моя мама! Когда дыхание восстановлено, я могу открыть глаза.

– Чего вы ждете от меня?

«Ты прекрасно держишься, Лин. Твоей маме больно, ты должна вырезать пулю из ее тела, помоги ей»

– Ей не больно, она мертва! – Кричу я им, сама же, продолжаю убеждать себя, что все это мираж.

«Она крепко спит, а ты поможешь ей. Возьми нож, что справа от тебя, и вынь пулю из ее тела»

Я что сама не заметила, как записалась на медицинские курсы? К чему мне эта техника по оказанию медицинской помощи?

– Хорошо, раз вы настаиваете. – Я соглашаюсь сделать это, только чтобы поскорее выбраться отсюда. Моя рука нащупывает медицинский нож, и я вижу растекшееся по животу «мамы», красное пятно от запекшейся крови. Моя рука дрожит, приближаясь к маленькому отверстию, оставленному пулей в теле, и я надавливаю на нож, пытаюсь выковырять то, что забилося внутрь.

«Достаточно, Лин. Ты большая молодец! На сегодня ты свободна»

Садисты! Еле давлю в себе злость, как все меркнет перед глазами, и я падаю на колени. Меня, словно раскачивает что-то, из стороны в сторону. Через какое-то время, я замечаю, что это я сама, раскачиваюсь взад-вперед, зажимая себя руками так крепко, что не могу шевельнуться. Я прихожу в себя и останавливаюсь, расцепляю руки, и вытираю пот с лица, который капает на пол. Это не пот, это слезы из моих глаз, даже не заметила, что плачу. Нужно поскорее выбираться отсюда, нужно дойти до комнаты и зарыться в одеяле так, чтобы меня никто не видел.

Я выбегаю в коридор и несусь изо всех сил по той дорожке, что пришла сюда. Оказывается ее не так сложно запомнить, когда нужно найти выход из этого места. Может я так же просто смогу исследовать здесь все, чтобы добраться до двери, что ведет на улицу. Но не сейчас, у меня совсем нет сил, мои движения не точны, меня пошатывает на поворотах лестничных проемов. Мне необходим отдых. А что, если они специально выматывают нас, для того, чтобы мы не смогли больше ни о чем думать, кроме сна и отдыха. Все возможно. А их обучение покорности – это бонус, который они получают вдобавок к нашему бездействию. Я знаю, почему никто не задумывается о побеге все это время, что находятся в этом месте. Ни у кого нет сил, чтобы что-то осуществить. И у меня нет. Я уже в своей комнате, на кровати. Я накрываюсь одеялом с головой и крепко закрываю глаза. Но образы, что приходят мне, как только я начинаю засыпать, вновь меня

будят. Мне так страшно, что я даже не могу провалиться в сон. Я не могу забыть нереально белый оттенок кожи на теле моей мамы. Стоп. Нет. Это не моя мама, это все нереально. Это не моя мама, это все не реально. Это не моя мама, это все не реально. Я бормочу эти слова, боясь прекратить и заснуть. Все эти образы, предстающие перед моими глазами, как только я их закрываю, очень меня пугают. Тим, где же ты? Как мне тебя найти?

– Эй, с тобой все в порядке?

Я вздрагиваю и скидываю с себя одеяло. В комнате темно, и я не сразу различаю, кто находится перед моей кроватью. Это Кара, она смотрит на меня своими большими, испуганными глазами, ожидая ответ.

– Да, все в порядке. – Отвечаю я, охрипшим голосом. – Что-то не так? – Пытаюсь узнать причину ее встревоженному поведению. Может, пока я прячусь в постели, что-то произошло.

– Не так. Ты слишком бурно реагируешь на тесты. Что они тебе показывают?

– Не то, что бы я хотела обсуждать с тобой или с кем-нибудь еще. – Отвечаю я, достаточно грубо, так как не хочу, чтобы в мою голову еще кто-то лез. Там и так тесно.

– Прости, если обидела тебя. Я тоже часто плачу после тестов. – Она присаживается на край моей кровати, продолжая разговор. – Они показывают мне дом, в котором я жила, и рассказывают страшные вещи о нашем Совете. Они пыта-

ются сделать все, чтобы я не воспринимала «Совет пяти» – теми, кем я привыкла. Но у меня пока не выходит.

Я молчу. Мне нечего ей ответить. Я знаю, что Совет не чист, и то, что они делали – кошмарно. Я сама желала их свержения, я сама привела Новый город, для войны, которая должна была все изменить к лучшему. Но я не знала, что Основной город не желал этого столкновения, я не знала, что они не собираются нападать и отнимать территории Нового города. Но было слишком поздно. Когда я все поняла, то уже не могла изменить что-либо.

– Ты не спала? – Спрашивает меня Кара, прикасаясь своей ладонью к моему плечу.

– Нет.

– Ты пропустила ужин, лежала и бормотала что-то в своей кровати. Я испугалась за тебя. Ты говорила что-то о своей маме. Она жива?

– Да, она жива. – Убеждаю я себя. – Она где-то по соседству с нами.

– А у меня никого не осталось. Мама и сестра погибли, когда нас захватили военные Нового города.

– Мне очень жаль. – Отвечаю ей, но она меня не слушает, ей не до моей жалости.

– Вокруг много тех, кто не примет правление Нового города, только потому, что они лишили нас родных и близких. Почти каждая, в этом месте, со своей историей. Думаю, они не собираются нас выпускать. Мы опасны для них. Подумай

над этим.

Она встает с моей кровати и крадется к выходу, перед самым порогом, она оборачивается и еле слышно шепчет «Мы с тобой. А ты с нами?»

Я машинально киваю. Не зная, чего конкретно она от меня ждет.

Всю ночь, я не смыкаю глаз. Во-первых, из-за страха, который так и не отпустил меня, крепко сжимая мое тело, липкими, холодными лапами. Во-вторых, из-за тех слов, что мне сказала Кара. Ведь если все правда, если то, что говорит она – не выдумки напуганной девчонки. То значит мой план, который я пыталась довести до конца, обретая себе дорогу к свободе – развеян по ветру. Значит, мои действия, моя покорность, никому не нужна. Все эти тесты – выматывают и пугают. Они хотят держать нас в страхе, без сил на какие-то действия. Это значит, что я не могу терять времени. Не могу допустить того, чтобы меня превратили в «овощ» способный только есть, утренние каши, и спать, все оставшееся после тестов время. Я встаю с кровати. Сейчас очень темно, и судя по тому, что за прошлую выходку с душем, меня никто не наказал, я могу беспрепятственно перемещаться сквозь темные коридоры помещения, пока меня не поймают.

Я иду к Каре.

Она сидит на своей кровати, не собирается ложиться, хотя сигнала для подъема еще не было. Ее прическа растрепана, а одежда помята. Все от беспокойных снов, которые муча-

ют ее так же, как и всех в этом помещении. Люди, пережившие нападение и пленение, не сразу приходят в себя. Пусть даже нас обрабатывают с особым рвением, но ясно, что это не поможет так скоро, как на это рассчитывают захваченные под арест женщины. Они продолжают следовать правилам, и снова их попытки не приносят долгожданного облегчения. Обретение чувств это – безусловно, подарок, но весьма не своевременный. Людям нужно пережить потери и утраты, и как раз в этот момент, им позволяют как можно четче все это прочувствовать и пройти снова.

– Кара, нам нужно поговорить. – Обращаюсь я к девушке, она поднимает на меня глаза, только тогда, когда я произношу ее имя, хотя наверняка, слышала, как я вошла в ее комнату.

– Снова? И о чем на этот раз? – Достаточно агрессивно начинает она, так, что я даже не сразу начинаю свой монолог.

Я присаживаюсь на край ее кровати, так же, как она, некоторое время назад. И так же тихо начинаю говорить, чтобы ни у кого не было возможности слышать мои слова, кроме нее.

– Я обдумала твои слова, и я поняла, что ты во всем права. У меня был свой план, чтобы выбраться отсюда. Но теперь, я думаю, он не уместен. Если то, что ты сказала – имеет место быть, то мои действия ни к чему не приведут.

– Понимаю, – перебивает меня Кара, – ты рассчитывала выполнять все их требования, чтобы доказать, что ты мо-

жешь быть частью их системы. Все так думают, и все следуют правилам, но это не дает результатов. Все начинается сначала. Они все начинают сначала. Я думала, в их тестах – есть смысл, что они хотят уравновесить мою психику, показать, на что способен мой разум. Но это не так! После прохождения всех, задуманных ими, тестов, они начинают все сначала. Я снова в первой комнате, и я не могу больше этого вынести! – Кара начинает плакать, она больше не сдерживает эмоций. Она – сломлена системой.

– Нужно действовать, пожалуйста. – Успокаиваю ее, а у самой на душе так мерзко, от воспоминаний о маме, прикованной к хирургическому столу, от того, что мне снова придется резать ее тело. – Помоги мне, и себе. Нам нужно выбраться отсюда.

– А что будет дальше? Что мы будем делать, если нам, все же, удастся бежать? Куда мы побежим?

– Это я беру на себя. Я была в Новом городе, довольно долгое время. У меня есть связи здесь и за пределами купола, нам нужно сделать первый шаг. Он самый сложный. Но мы можем что-то придумать.

– Одни? Я до сих пор не знаю, как устроено это здание. Оно огромное! Здесь словно лабиринт с запутанными коридорами.

– Я знаю, и тоже думала над этим. Нам помогут. «Мы с тобой» – помнишь?

– Да.

– Расскажи, что это значит.

Кара, поднимает свои глаза на меня, и долгое время смотрит, словно обдумывая, что можно сказать, а что не стоит.

– Ты можешь мне доверять. Если не мне, то кому? – Убеждаю ее я.

– Хорошо. Эту записку, просила передать тебе, госпожа Варн.

– Как, ты тоже?

– Узнала ее, – Кара тихо смеется, – конечно, ее все здесь узнали. Эту женщину, не возможно с кем-то спутать. Пусть, она выглядит, не так презентабельно, как раньше, но это она. Варн знает о тебе то, что не знает никто из присутствующих здесь женщин, включая меня. И уж если говорить с кем то, о планах, то с ней. Это она что-то задумала, и с твоей помощью, надеется осуществить.

– Возможно, ты права. Тогда мне нужно поговорить с ней. Мне никак не удавалось этого сделать, когда я рядом с ней, кто-то из охраны следит за каждым нашим словом.

– Конечно! Думаешь, они не знают кто эта женщина? Поговорить с Варн никому не удавалось. Она, иногда, передает записки. Это то, что я о ней знаю. Я даже не подозреваю, в какой комнате они ее держат. Может даже закрывают. Ужасно. Мы и так, словно в тюрьме.

– Даже не рассказывай, я сама сидела несколько дней в клетке. Без постели и окон.

– Ужасно! Так это правда. Я думала, что все это выдумки.

Как то слышала, что они держат какую-то девушку взаперти, но думала, что это не правда. А почему тогда они тебя так побаиваются?

– Меня? Кто? – Удивляюсь ее словам и тоже повышаю голос до громкого шепота, но быстро беру себя в руки. – Извини.

Кара машет рукой, отмечая мои извинения.

– Наша охрана, они даже спиной к тебе бояться встать. – Отвечает она на мой вопрос, а у меня даже рот открылся от изумления. Меня бояться? Глупость!

– Брось, это сильные мужчины, они не могут меня бояться. Мне сначала тоже так казалось, но теперь я вижу, что это не так. – Выражаю свои мысли вслух.

– Может это от того, что ты показала им свою слабость? Ведь перед тестами и после, ты не внушаешь угрозы. Но, до того, они тебя сторонились.

– Возможно, это от того, что я не совсем радушно их принимала в своей камере. – Я издаю смешок, а Кара, продолжает смотреть мне в глаза, не понимая, о чем я говорю. – Не важно. Придумай, как мне поговорить с госпожой Варн. И как можно скорее. Еще тестов – я не выдержу. – По телу, снова, пробегает холодок.

– Сейчас, я схожу в душ, и попытаюсь поговорить с Варн. Если мне это удастся, я подам знак за завтраком.

– Какой?

– Ну, предположим, если мне удалось с ней поговорить,

то я, сразу примусь за еду, а если нет, то я, сначала, покручу ложку в руке.

– Странно, но, пусть так. – Я улыбаюсь ей, а она мне. Теперь у нас есть маленькая общая тайна и большое общее дело. Это так сближает.

Я стала пробираться в свою комнату. В коридоре, мне встретился охранник, который заглядывал в каждую комнату, проверяя их содержание. Значит, по коридорам ходит дозор. Раньше я его не замечала. Я не смогла удержаться, чтобы не проверить свои догадки, остановилась посреди коридора, около двери в свою комнату, и стала за ним наблюдать. Он заметил меня не сразу, а когда увидел, то стал спрятать глаза, чтобы не смотреть на меня. А поравнявшись со мной, ускорил шаг, и, оглядываясь на меня, продолжил осмотр. Улыбка не сходит с моего лица. Получается, Кара права, и меня опасаются. Это забавно. Это может послужить мне на пользу.

Я захожу в комнату и жду сигнала, после иду в душ, вместе со всеми. По дороге мне не встречается ни Кара, ни Варн. Я нервно обмываюсь водой, еле сдерживаясь, чтобы не выбежать из кабинки. А потом, в моей голове появляется идея, от которой я не могу себя отговорить. Я выхожу из душа, быстро и насухо вытираюсь полотенцем, надеваю свою форму, которую еще не успели поменять на чисто выстиранную сменную одежду. Значит, мне удастся все узнать. В коридорах еще никого, даже охраны нет, только слышен звук стекающей воды. Мои шаги легки и точны. Я хочу узнать, кто и

когда проникает в душ, чтобы сменить нашу одежду. Я хочу увидеть, куда они ее уносят. Ведь если в здании есть обслуживающий персонал, то есть и комнаты, в которых готовят еду и стирают нашу форму. Значит, есть выход, которым они пользуются, чтобы обеспечить нас продуктами и другими вещами. Я прячусь за выступом в стене. В этом месте хороший обзор на душевую, и меня не видно из-за колонны, поддерживающей стену. Мне не приходится долго ждать, и мои усилия вознаграждены. Это – женщина! Она торопится, и не смотрит по сторонам. У нее в руках стопка одежды, хорошо выглаженной и выстиранной. Она проходит так близко от меня, что я вжимаюсь в стену, а в нос бьет запах стирального порошка, которым пропитана все белье. Женщина, заходит в душевую и через несколько минут выходит обратно, держа в руках перед собой, кучу смятой одежды, так, что с трудом видит коридор перед собой и идет, ориентируясь, больше на память, чем на зрение.

Я начинаю преследование. От страха, что могу быть поймана, сердце колотится в груди, и трясутся руки, но я не отступаю. Моя выходка, может грозить мне заключением в отдельной комнате, но я уже не могу повернуть назад. Любопытство ведет меня вдоль пыльных коридоров, за поспешными шагами таинственной женщины, которая все это время оставалась незамеченной и похищала наши вещи, меняя их на чистые, пока все принимают душ и радуются теплой воде. Я стараюсь запомнить дорогу. Направо, направо, прямо,

вниз по лестнице, три пролета, снова – направо, прямо, снова – лестница и прямо. Двери, сквозь них слышен шум стиральных машин, и я не опасаясь быть услышанной здесь. Только бы не встретить кого-то на пути. Никого. Вот она отворяет дверь одной их комнат, и входит внутрь. Двери не закрыты. Они без замков. Значит, это не может быть выход. Это подсобные помещения, которые находятся в подвале здания. Здесь сыро и пахнет плесенью, вперемешку с порошком. Все же, я захожу следом за ней, тихонько приоткрываю дверцу, и прячусь за стеллаж у двери, на котором ровными стопками лежит чистое белье. Здесь несколько женщин, они раскладывают одежду по корзинам, учитывая цвета ткани, и несут в большие стиральные машины. Засыпают порошок и нажимают на кнопки. Все движения отлажены и систематизированы. Кажется, что они не первый день занимаются этой работой, возможно, эта работа для них знакома и привычна. Но если это – женщины Основного города, то почему тогда они здесь, а не на соседних кроватях с нами? Или они более благонадежны, что им доверили работу без промывания мозгов?

– Дола, посмотри, что у меня! – Кричит женщина, которая принесла и все еще разбирает грязную одежду – по стопкам.

– Что такое, Сим? – Вторая подходит к ней, перекрикивая запустившуюся для стирки машину.

– Это я нашла в кармане одной из кофт. Красиво, правда? Женщина перебирает что-то в руке, покручивая из сторо-

ны в сторону ладонью. Что-то блестит и переливается между ее пальцев, а когда она разжимает ладонь и протягивает вещь своей напарнице, то та со звоном брякает о пол.

– Ты что не держишь, сказала же! Вот ты криворукая, нажалуюсь, и тебя спишут с этой работы, пойдешь подметать улицы! – Начинает причитать Сим, а мой взгляд приковывает блестящая, поверхность металла, на черном шнурке.

Я цепляюсь в стеллаж руками так крепко, что начинает болеть ладонь, лишь бы не сорваться с места и не подобрать принадлежащую мне вещь с пола, раньше, чем это сделает женщина, чьи руки не так ловки, чтобы ловить на лету мой амулет. Мой крестик – подаренный мамой, на черной веревочке, что дала Вероника. Я пячусь назад и вырываюсь из комнаты в коридор, бегу заученными поворотами, к себе на этаж, только бы не думать, как мой амулет попал в одежду одной из девушек, и как мне его вернуть обратно себе.

Я захожу в столовую, когда все уже сидят на своих местах и ждут начала приема пищи, ждут меня. Мои щеки горят от бега и смятения, мой пульс еще не пришел в норму и сердце колотиться, часто, выдавая меня перед всеми.

– Простите за опоздание. Мутит, после вчерашнего. – Оправдываюсь я перед охраной в дверях, а он, лишь отводит от меня взгляд и указывает головой, проходить на свое место.

Я подхожу к чану с кашей и выкладываю в свою миску остатки еды, прохожу и сажусь за свой стул. Смотрю сначала

на осуждающее лицо Варн, потом на заинтересованное лицо Кары, и жду ее действий. Когда все принимаются за еду, она тоже берет ложку и принимается черпать ей кашу из миски. Вздох облегчения, и я тоже могу поесть, но разрывающее меня любопытство заставляет торопиться и двигаться интенсивнее, так что я снова, заканчиваю прием пищи раньше, чем все остальные. Приходится ждать.

Мои эмоции улеглись, и теперь, я могу обдумать увиденное мной сегодня. Во-первых, женщины, что работают в здании, не похожи на узниц, а больше напоминают нанятую на работу службу. Это означает, что не все женщины Основного города заключены в зданиях под охраной, и то, что им не доверяют ответственную работу, такую как охрана или правление. И ждать помощи от них не следует, поскольку их все устраивает. Если они знают, где выход, то ни за что его не покажут, потому как видели, к чему ведет неповиновение. Во-вторых, самостоятельно найти выход, у меня не выйдет. Слишком запутаны коридоры и меня найдут раньше, чем я смогу открыть нужную дверь. Значит, мне нужен проверенный человек в охране. Как раз тот, что сейчас стоит на выходе из столовой. Именно он передал мне карточку с написанным на ней шифром.

Когда последняя ложка касается пустой тарелки на столе, звучит уже привычный сигнал, и все встают со своих мест, начиная медленное продвижение за карточками. Я не тороплюсь, занимая последнее место в очереди. А когда оказыва-

уюсь наедине с охранником, протянувшим мне карту, то наклоняюсь чуть ближе, и тихо шепчу:

– Мне нужна твоя помощь, ты со мной? – Я задаю вопрос, и жду ответа. Он слегка кивает головой так, что я думаю, не померещилось ли мне?

Я держу карту в руке, и покидаю столовую. Он выходит следом. Делаю вид, что не могу понять куда идти, чтобы попасть в нужную комнату. Сама, от волнения, еле различаю номер, написанный в карте, но он тот же, что был прежде.

– Вам помочь? – Наконец, задает мне вопрос тот, на кого я надеюсь.

– Не знаю дороги. – Коротко отвечаю я, он забирает мою карточку и жестом указывает следовать за ним.

Мне удалось. Только как заговорить с ним, как дальше просить помощи? Ведь если он так осторожен, значит за нашими действиями, наблюдают.

Мы идем по коридорам, я настороженно вглядываюсь в каждое его движение, пытаюсь уловить тайные жесты, но ничего не замечаю и уже начинаю отчаиваться, что мне не удастся заговорить с ним снова. Но через небольшой отрезок пути, он сворачивает в тупик и прижимается к стене, я подражаю ему, вжимаясь плотнее в холодный бетон.

– Что ты хочешь? – Он первый нарушает молчание своим шепотом.

– Ты можешь меня вывести из этого здания? – Сразу, задаю, свой главный вопрос – не таясь. Будь, что будет.

– Нет. – Коротко отвечает он и молчит.

Я прижимаюсь к нему плотнее, чтобы не быть замеченной, а он пытается отстраниться, но дальше только стена, и у него ничего не выходит.

– Почему? Ты же согласился мне помочь. – Я пытаюсь говорить жестче, чтобы проверить, так ли он боится меня, как остальные.

Его глаза округляются, а ртом он беззвучно что-то пытается сказать.

– Почему? – Снова повторяю я свой вопрос, еще более сурово.

– Выход закрыт, и слишком много охраны его контролирует. – Наконец, набираясь храбрости, он шепчет мне, почти вплотную прижавшись к моему уху.

– Выход не может быть один, наверняка, есть еще двери для персонала, или подвальные ходы.

– Но мне не известно о них. – Пытается оправдаться он, рукой проводя по моим волосам.

Что-то новенькое. Я немного отстраняюсь от него и заглядываю в глаза. Этот взгляд ни с чем не перепутать. Так смотрел на меня Тим, когда хотел поцеловать впервые. Так значит – это не страх движет им. Я придвигаюсь ближе к нему и слегка прикасаюсь губами к его губам, потом поспешно ухожу.

– Найди мне выход, – еще более требовательно говорю ему, – завтра. – Я ставлю ему конкретные сроки и ухожу, на-

правляясь к комнате, которая ждет меня сегодня.

Глава 5.

Открываю дверь, уже без страха. Я достаточно храбра. Я должна это вспомнить. Снова стать собой, не дать им подавить свое «Я». У них не получится задавить меня, своими галлюцинациями. Теперь я понимаю, что все нереально, и мне не стоит так близко к сердцу, воспринимать эти картинки. То, что было показано в прошлый раз, превысило все возможные варианты. Теперь я готова ко всему. Они сами сделали так, что не подавили мою волю, а высвободили меня из клетки, которую сами же для меня и построили. Они расширили границы моего сознания, и теперь, меня не страшат картинки, что в дальнейшем будут внушать мне. Тем более, я как никогда, близка к победе над ними. Но не следует им, раньше времени узнать об этом. Поэтому, я готова поиграть в их игру, снова, по их правилам. Убеждая себя, быть сильнее, я готова к их испытанию. Комната так же чиста и бела, как прежде. Я встаю посреди нее и жду беседы с голосом, который неизменно преследует меня.

«Доброе утро, Лин. Как спалось?»

– Доброе утро. Спасибо, достаточно долго. – Отвечаю сарказмом на их хитрый вопрос. Они, конечно же, знают, что после предыдущего теста, я долго пребывала в забытьи.

«Теперь, когда ты выспалась, готова ли ты к новому этапу в наших тестах?»

Они задают мне вопрос, хотя он не предполагает ответа. Интересно. Снова пытаются внять к моему дружелюбию и расположить к себе мнимой свободой выбора.

– Да, я готова, если вы считаете это необходимым. – Я повинуюсь им, я кротка и послушна. Пусть видят мою слабость, за которой я прячу решимость на многое.

«Замечательно. Сегодня, ты должна научиться отставлять свои интересы на второй план, превознося интересы общества на первый. Судя по твоему личному делу, тебе не удавалось этого прежде. Теперь, ты должна понимать, что общество не примет тебя, если ты будешь думать в первую очередь о своих целях и планах, а не на благо Нового города»

Что-то новенькое, приготовили они для меня. Что ж, попробуем подчиниться. Я киваю и зажмуриваю глаза, ожидая звука, что режет слух и потери сознания, но ничего не происходит. Я открываю глаза, а передо мной стоит Зоин. Несомненно – это голограмма, а не галлюцинация. Я прочищаю горло, чтобы поздороваться, но Зоин опережает меня.

– Доброе утро, Лин. Рад тебя видеть здоровой и невредимой.

– Доброе утро, я тоже очень рада вас видеть. Хоть одно знакомое мне лицо в этой тюрьме. – Не сдерживаюсь я, и выношу свое негативное мнение о моем заточении в здании.

– Ну что ты? Это не тюрьма, а лишь мера, принятая правлением, для адаптации нового населения города.

– Возможно, – принимаю я его слова, а в его глазах читаю

нежность и желание помочь, – так что же на этот раз приготовило мне правление? Какую миссию я должна выполнить на благо общества?

– Ничего серьезного, в этот раз. Но твоя готовность помочь – радует. Нам нужна информация, которой ты можешь владеть. Ты готова ею поделиться?

– С радостью, если это может помочь правлению. – Соглашаюсь я, не имея понятия, какую информацию могу им еще дать.

– Мы давно ничего не слышали, и не видели твоих друзей, и брата. – Зоин произносит эти слова, а на лице его отражается такая боль, от сказанных им слов, что мне охота подойти и обнять его. Но меня радуют сказанные им слова, что я не могу сдерживать улыбки, значит, они не задержали никого из них. Значит и Су, и Тим, Лён, Рон – всем им удалось скрыться до того, как их поймают и заточат в зданиях, подобных этому. Свою радость, я маскирую охотой помочь обществу.

– Конечно, я расскажу все что знаю, ведь это поможет и моим друзьям обрести радость прибывать в Новом городе.

– Замечательно, я слушаю тебя.

– Мне не многое известно. Только то, что мы расстались на самом краю Основного города. Все они хотели помочь людям и поддержать их, рассказать о том, что их ждет. Чтобы никто не сопротивлялся военным людям, появившимся в Основном городе, и принимал их помощь. Ведь никто не хотел войны, все хотели лишь обезоружить «Совет пяти». А

я пошла к маме. Я так скучала по ней, все это время, что не могла дождаться нашей встречи. Мои друзья должны были быть в городе, мы хотели встретиться, когда все прояснится, когда люди, пришедшие из Нового города, увидят и поймут, что им не чинят препятствий. Но, к сожалению, нам так и не посчастливилось встретиться, но я думала, что они где-то рядом. Как и я, проходят адаптацию. – Я высказываю весь этот бред Зоину, и он одобрительно кивает мне головой.

– Что ж, раз ты больше ничем не можешь нам помочь, я удаляюсь.

Зоин исчезает, мерцая изображением, и я остаюсь в комнате одна. На душе становится пусто, словно от меня оторвали еще один кусочек. Но я не поддаюсь порыву грусти. Все прошло хорошо. Я сделала попытку помочь городу. Это должно засчитаться плюсом в моем личном деле. Это поможет затянуть время, до того как мой новый помощник не отыщет выход из этого здания.

«Замечательно, Лин. Ты уже на полпути к прохождению всех необходимых тестов. Работай над собой и радуй нас, своим присутствием. До встречи завтра»

Голос затихает, а я улыбаюсь своей победе. Надеюсь, сделать все возможное, чтобы больше не встретиться с вами и вашими тестами.

Я покидаю комнату в отличной форме, в отличие от предыдущих сеансов, это придает мне новых сил. Я должна поговорить с госпожой Варн, я рассчитываю на ее помощь.

Если верить Каре, то наша встреча должна быть организована. Я направляюсь на свой этаж, прохожу то место, в котором некоторое время назад соблазняла охрану и улыбаюсь своим победам. Теперь, все будет так, как я хочу. Игра по их правилам – окончена, теперь моя очередь водить!

На этаже никого нет. Скорее всего, я первая, кто окончил тест, а все остальные еще не вернулись. В моей комнате никого нет. Я ложусь на кровать, закрываю глаза ладонями, делаю вид, что устала и печалюсь от встречи, которая и в самом деле щемит мое сердце, но не так сильно, грусть вытесняет зарождающееся чувство триумфа над моими надзирателями. Несколько раз, сквозь щели между пальцев, я наблюдаю охрану, которая проходит по коридору, выжидаю момент, когда мужчина скрывается из вида и соскакиваю с постели. Я сооружаю подобие себя из одеяла и подушки на постели. Пусть думают, что я снова сплю. Выглядываю за двери и не вижу никого, кто бы мог меня остановить. Если мне не вменили в вину, то, что я слонялась за женщиной, которая уносила одежду из душевых, значит, они не видят того, что здесь происходит, но скорее всего – слышат, так как мой сообщник говорил очень тихо, опасаясь прослушивания. Очень тихо я проникаю в комнату Кары и забиваюсь в угол, не просматриваемый со стороны коридора. Я стою тихо и жду ее возвращения. К моему счастью, она возвращается до того, как мои ноги устают стоять на месте без движения. Она заходит в свою комнату и, не обращая на меня

внимания, падает, на кровать, тяжело дыша. Понимаю, что не вправе ее тревожить, но то, что у меня мало времени, заставляет дать о себе знать. Я тихо покашливаю, чтобы Кара повернулась и заметила меня. Она замирает, пугается и вскакивает с кровати, а когда видит меня, выдыхает и снова садится на свое место.

– Тише, это я. – Говорю ей шепотом, и она кивает. – Проведи меня к Варн. – Она, снова, кивает.

Обе мы ждем, когда по коридору пройдет охрана, потом я помогаю Каре соорудить из ее постельного белья человеческие контуры, и мы покидаем комнату, постоянно оглядываясь по сторонам. Кара ведет меня по коридору на лестничный пролет с другой стороны. Я еще не была в этом месте, поэтому чувствую себя неудобно, а Кара с легкостью отыскивает нужную дорогу. Если соединить наши знания и превратить их в план помещения, то может неплохо получиться. Мы могли бы собрать то, что известно остальным, и быть может выбраться отсюда, но это слишком долго и этот план я оставляю для других, когда сама буду на свободе.

– Вот в этой комнате у Варн проходит тест. Она мне показала свой номер, перед тем, как мы разошлись. Это то, что я сделала для тебя, у вас есть несколько минут, чтобы поговорить, и вернуться в свои комнаты. Не теряй времени, а я возвращаюсь к себе. Если они не хватятся тебя, из-за твоей реакции на тесты, к которым они привыкли, то я все время была у них на виду и им покажется странным то, что я много

времени провожу в постели. – Она уходит, оставляя меня у двери в комнату, сквозь которую доносится шум голосов.

Некоторое время я стою – не шевелясь, пытаюсь разобрать слова, но мне не удастся это сделать, и я отхожу подальше от двери, чтобы меня не было заметно, если вдруг здесь пройдет охрана. Через некоторое время, дверь распахивается и выходит госпожа Варн, с величественным видом. Видимо она не собирается играть с новой властью по их правилам, и держит оборону, как может. Она такая сильная и властная, что я задумываюсь: «Для чего ей нужна я, если она сама может стереть всех в порошок, своей непробиваемостью» Но потом я замечаю, что сквозь напускное величие, проглядывает усталость старой женщины. Она не способна на эти авантюры, в которые должна буду броситься я сама, но она будет держать оборону здесь, показывая свою значимость и невозмутимость всем остальным, чтобы и другим хватило сил, выдержать все то, что для них припасло новое правление.

– Госпожа Варн! – Я шепчу, привлекая ее внимание к себе, а она оборачивается, ничуть не удивленная моим появлением здесь. Она знала, что я приду, чего бы мне это не стоило.

– Да, моя милая. – Она подходит ближе, и так же как я, прижимается к стене, не давая возможности засечь нас.

– Я хочу поговорить с вами. Мне нужна ваша помощь. Вы со мной? – Так же как у охранника, спрашиваю я ее, задавая

вопрос кодом, написанным ею же на записках.

– Конечно, Лин. Я сделаю все от меня зависящее, чтобы помочь тебе. Я выбрала тебя не напрасно, ты единственная, кто сможет выйти из этого помещения, с помощью своих талантов и покинуть этот город, благодаря своим знаниям. Когда и как ты планируешь выбраться отсюда? – Она задает мне этот вопрос, ничуть не сомневаясь в том, что у меня готов план действий.

– Завтра. Мне поможет один человек из охраны, ему можно доверять, он с нами. Но от вас мне необходимо какое-то прикрытие, чтобы моего отсутствия не было замечено как можно дольше. Так у меня будет больше шансов скрыться, до того, как меня хватятся.

– Замечательно. Я что-нибудь придумаю. Завтра утром мы начнем свое сопротивление, я оповещу остальных, и мы устроим бунт. Пока нас будут усмирять, ты сможешь бежать. Будь сильной, моя девочка, у тебя все получится. Найди своих друзей и постарайся связаться с оставшимся советом. Их нет в Новом городе. Я одна из них, добровольно сдалась, чтобы поддерживать свой народ и дать кусочек того, чего хочет правление Нового города. Часть власти сдалась и с моей помощью они стараются подвести под арест остальных. Ты должна сообщить оставшемуся совету, что я в безопасности, и они могут действовать по своему усмотрению, если их еще не поймали. – Варн перевела дыхание и обняла меня на прощание.

– Госпожа Варн, пока я шла к вам на встречу, у меня появился еще один план, который поможет вам выбраться отсюда, без моей помощи. Это на крайний случай и потребует много времени. Но у вас есть и время, и возможности его осуществить. Дело в том, что каждая, находящаяся под арестом в этом здании, проходит в свою комнату и может обследовать те уголки и коридоры здания, которые одному человеку не под силу обойти, не привлекая к себе внимания. Вы можете составить план этого здания и с легкостью найти безопасный выход, как тот, что для меня найдет мой человек в охране.

– Спасибо, это замечательная идея и я непременно ей воспользуюсь, но ты не дожидайся нас, и действуй.

– Да, но у меня к вам есть одна просьба, которую я могу доверить только вам. Моя мама находится не в этом здании, это мне дал понять мой отец, член правления Нового города Зоин, он на нашей стороне. Попробуйте ее разыскать, как только вам удастся выбраться, и дайте ей знать, что со мной все в порядке. Ее не могут держать где-то далеко, поскольку нас вели сюда вместе и разлучили на повороте к этому месту. Значит, есть еще помещения, в которых остальные ждут от нас помощи.

– Я понимаю это и постараюсь освободить всех, кого только смогу. А теперь мне и тебе пора возвращаться, чтобы не подвергать наш план опасности разоблачения. В добрый путь. Завтра, после завтрака, будь готова действовать.

Она разворачивается и быстро уходит, оставляя меня одну в этой части здания, надеюсь, мне удастся вспомнить дорогу назад, и не заблудиться по дороге.

Оказавшись в своей комнате, я ложусь в свою постель, и чтобы не мучить себя ожиданием завтрашнего дня и приблизить его наступление – засыпаю.

Мне сняться коридоры, которые запутывают меня своими лабиринтами. Я брожу по ним, пытаюсь найти выход, и все время натываюсь на стены, которые блокируют проходы и не отпускают меня из своего плена. Я оказываюсь перед дверью, которая ведет в прачечные комнаты, туда, где я была этим утром. Женщины, находящиеся там, не замечают моего присутствия и я, воспользовавшись этим, обшариваю их карманы, в поисках своего амулета... Я просыпаюсь с чувством неоконченного дела. Мне нужно забрать свое, до того как устраивать побег. В этот момент звучит сигнал, созывающий всех на ужин, судя по не яркому свету в помещениях. Видимо обед я снова проспала. Я подстраиваюсь в ряды девушек и женщин, что следуют в столовую, и иду, выискивая знакомые лица. Кара идет впереди, я обгоняю двух девушек передо мной, будто проголодалась и не могу дожидаться своей очереди. Они поглядывают на меня с возмущением, но ничего не говорят, когда замечают, что позволившая себе столь вольное поведение – я. Когда я поравнялась с Карой, шепчу ей:

– Завтра, после завтрака, выходи следом за мной. – И про-

хожу дальше, опережая остальных, чтобы быстрее попасть в столовую.

На входе уже другой охранник. Я смотрю ему в глаза, а он опускает голову, когда встречается со мной взглядом. Это лицо я узнаю. Я узнала бы его из многих лиц, которые я успела повидать за время моего присутствия здесь. Именно он сдернул с меня крестик, когда я сидела в отдельной комнате. Это он получил от меня по заслугам, и видимо не хочет больше иметь со мной дело. Не тут-то было. Ты вернешь мне мой амулет, чего бы мне это ни стоило. Я демонстративно, гордо подняв голову, прохожу за своей порцией, и постоянно оборачиваясь на охранника с вызывающим выражением на лице. Он заметно нервничает и краснеет. Пусть переживает и волнуется, пока я ем.

Я сажусь на свое место и оглядываю присутствующих. Все постепенно занимают свои места и ждут, пока последняя из нас сядет на стул со своим ужином. Варн и Кара уже сидят за столом и изредка вглядываются в мое лицо, пытаюсь уловить – что я задумала. Больше я не подаю вида и прячу свои эмоции на время ужина. Но все же доедаю быстрее всех и не могу дождаться, пока остальные закончат. Ерзаю на стуле и поглядываю на каждую девушку, из тех, кто задерживает меня, словно подгоняя их. А когда ужин закончен и звучит сигнал, уже не тороплюсь встать со своего места. Кара бросает в мою сторону настороженный и любопытный взгляд, а я отвечаю ей, мотая головой «ничего важного, пустяки».

Встаю последняя, и медленно продвигаюсь на выход. Каждая направляется в душевую комнату, чтобы подготовиться ко сну, а я подхожу к охраннику, когда столовая уже опустела и останавливаюсь напротив него.

– Помнишь меня? – Задаю свой вопрос, заготовленный и выбранный из кучи других вариантов. Этот мне показался более грубым, что мне и нужно в данный момент.

– Д-да. – Отвечает он, нервно заикаясь, и кивает головой.

– Я тоже тебя вспомнила, как только увидела снова. И я попрошу тебя об одном одолжении, уверена, ты не сможешь мне отказать, в память о нашей дружбе.

Он смотрит на меня, с ошарашенным и непонимающим лицом, но кивает, словно боится отказать. Вот и славно.

– Мне нужно то, что ты у меня отнял. – Он не понимает о чем я, и мне приходится напомнить. – Это тот амулет, что ты сорвал с моей шеи, при первом нашем знакомстве. – Его взгляд проясняется, но тут же гаснет.

– Я не знаю где он, я его выменял на другую вещь у одной из поступивших сюда девушек. Я не вспомню ее лица.

– А мое значит вспомнил?

– Ну, ты другое дело.

– Понятно, тогда я тебе помогу. Я подскажу тебе, где он находится сейчас, и желаю видеть его у себя не позже, чем я приму душ, желательно в новых вещах, которые принесут для нас в душевую. Он находится у одной из девушек из обслуживающего персонала, ее зовут Сим. Он может быть у

нее, или она знает, куда он делся. Ясно? – Я внимательно разглядываю его лицо, и он кивает в знак согласия. Пока он ошарашен моими знаниями, продолжаю давить. – Если у меня его не будет, мне придется самой отыскать его. А это навлечет на тебя проблем, обещаю. Я ведь нахожусь здесь под особым присмотром, не так ли?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.